

РИМЪ И МЕТРЪ

ВѢТХОЗАВѢТНОЙ ПОЭЗИИ.

(Продолженіе).

Глава первая. — Библейская аллитерація. Римъ въ собственномъ смыслѣ. Повтореніе словъ. Анноминаціи. Игра словъ. Аллитерація числительныхъ именъ.

Если свести къ одному общему началу всѣ разсмотрѣнныя нами ошибки и увлеченія въ изслѣдованіяхъ о библейской поэзии, то окажется, что главною причиною неудовлетворительности этихъ изслѣдованій и взглядовъ было то, что критики выходили въ этихъ случаяхъ всегда изъ извѣстныхъ имъ риторическихъ опредѣленій поэзіи и категорически требовали указаннаго тамъ, опредѣленнаго и знакомаго имъ соотвѣтствія между содержаніемъ и формою. Извѣстна общая слабость критики, что она вообще съ трудомъ спускается съ точки зрѣнія своего времени и утвердившейся культуры, и что даже собственные народныя произведенія и пѣсни всегда почти недостаточно понимаются каждою отдѣльною критикою, поколику онѣ не подходятъ подъ тѣ образцы архитектурической отдѣлки, къ которымъ привыкла выкультированная мысль. Между тѣмъ, чѣмъ ближе подходить къ простотѣ народной жизни, или, что тоже, чѣмъ болѣе углубляться въ древность, тѣмъ болѣе должно быть особенностей въ отношеніяхъ между матеріаломъ и формою, и слѣдовательно тѣмъ менѣе будетъ исполняться для нашего уха правило о выборѣ звуковъ соотвѣтственно высотѣ и достоинству мысли. Когда мысль, въ своей внутренней

сущности, мгновенно творится силою духа, или же какимъ либо образомъ получается совнѣ, то соответственная ей внѣшняя форма долго еще вырабатывается, переходитъ изъ образа въ образъ, прежде чѣмъ закрѣпить за собой одинъ строго соответствующій ему образъ выраженія. И чѣмъ живѣе народъ, чѣмъ быстрѣе проходить въ немъ великія думы и чувства, тѣмъ свободнѣе будетъ его внѣшнее выраженіе. Это справедливо вообще, и это же нужно сказать о формахъ поэзіи. Прежде чѣмъ поэтическій образъ найдетъ для себя выраженіе въ гекзаметръ и пентаметръ, при условіяхъ болѣе простой жизни, онъ долго движется еще въ привольной и легкой формѣ, какую могъ дать безыскусственный слухъ, или какъ выражались евреи, необрѣзанное ухо.

Мы же имѣемъ дѣло, кромѣ того, съ однимъ изъ *семитическихкихъ народовъ*, необыкновенная энергія которыхъ во внутреннемъ проникновеніи себя мыслию и чувствомъ вошла въ притчу. Если для народовъ индоевропейскихъ, съ глубокой древности сравнительно наклонныхъ къ аналитическому разчлененію мысли и внѣшняго выраженія, матеріальная оболочка слова имѣетъ всегда не меньшую важность, чѣмъ внутренняя сущность; то семиты довольствуются всегда свободнымъ, ничѣмъ нестѣсненнымъ выраженіемъ чувства и помысла. «Индогерманцы, опредѣляетъ Густавъ Бауръ, съ рѣшительнымъ перевѣсомъ употребляютъ въ дѣло внѣшнія и матеріальныя средства языкообразованія, а семиты—только неуволимыя средства внутреннія и духовныя. Первые обличаютъ преимущественно пластическое настроеніе, экстенсивное направленіе на предметъ или объектъ, пользуясь при этомъ разнообразными средствами для того, чтобы сдѣлать рѣчь возможно совершеннымъ изображеніемъ предмета; семитскій духъ надѣленъ въ избыткѣ музыкальнымъ смысломъ, который замѣняетъ ему все и который онъ раскрываетъ, какъ волшебную скатерть, гдѣ и какъ хочетъ, держась исключительно за свое первичное, субъективное созерцаніе и выражая видоизмѣненія его только простыми оттен-

ками соотвѣтственнаго ему слова. Индогерманскій народный духъ отличается разнообразіемъ употребляемыхъ имъ средствъ и организаторскою силою, съ какою онъ покоряетъ ихъ себѣ; семитскій—замысловатостію, тонкостію и легкостію въ умѣніи обойтисятѣми не столь многочисленными средствами, которыя онъ можетъ извлечь изъ себя самаго, но которыя потому именно глубоко-задушевы. Индогерманецъ весь обращенъ къ объекту, чтобы передать его какъ можно точнѣе; семитъ видитъ только отраженіе, дѣлаемое объектомъ въ субъективномъ чувствѣ и передаетъ это отраженіе только какъ отраженіе; т. е. довольствуется однимъ легкимъ намекомъ, одною легкою потою въ своей свободѣ всегда созвучною объекту». Отсюда строй рѣчи у семитовъ не знаетъ ни той періодической полноты, ни того искуснаго силетенія, посредствомъ которыхъ арійскіе языки сводятъ въ одно разчлененное цѣлое взаимную связь мыслей съ логическою отчетливостію и ясностію и съ точнымъ обозначеніемъ вѣхъ мельчайшихъ отгѣнковъ; онъ свободно ставитъ одно предложеніе при другомъ, въ порядкѣ, какимъ идутъ возникающія въ душѣ представленія; и здѣсь непосредственному участию говорящаго приходится намекать въ живомъ словѣ и звукѣ на ближайшія подробности, на дорисовывающія черты. У семитовъ, объясняетъ Куглеръ, преимущественно развито чувство духа жизни, тогда какъ у индоевропейскихъ народовъ возвышенно въ особенности чувство стиля, сообщающее размѣренный, почти архитектурный пошибъ словесному произведенію. Семиты никогда не могли понять даже какъ можно забавляться какою либо внѣшнею отдѣлкою для самой этой отдѣлки, когда она не прибавляетъ существенной черты къ жизни содержамаго. При взглядѣ на красиво нарисованную рыбу одинъ Семитъ замѣтилъ художнику: «что отвѣтишь ты, когда она возстанетъ на тебя въ судный день съ жалобой, что ты далъ ей тѣло, и не далъ живой души»?

*

Все это нужно сказать и о поэзии древних евреевъ. Для древне-еврейскихъ поэтовъ міръ цѣпенъ только по тѣмъ внутреннимъ чувствамъ, какія онѣ будить въ душѣ, возносящейся надъ нимъ къ Вѣчному, и потому поэзія начинается здѣсь всегда съ сердечныхъ движеній и слѣдитъ ихъ ходъ до конца; надо всѣмъ царить здѣсь свобода духовнаго и внутренняго надъ плотскимъ и наружнымъ, и по мѣрѣ того, какъ представленія вызываютъ другъ друга, изображеніе спѣшитъ за ними вслѣдъ и быстро переносится отъ одного къ другому; вещи здѣсь озаряются мгновеннымъ свѣтомъ, предстаютъ воображенію на одинъ мигъ и тотъ часъ же отступаютъ мѣсто другимъ. Оттого возбужденное внутреннее чувство пріобрѣтаетъ здѣсь потрясающую выразительность и пѣснь превращается въ грозовую бурю, внезапно разражающуюся блескомъ молніи и ливнемъ. Но при этомъ ни одинъ образъ не вырабатывается самъ изъ за себя; напротивъ внутреннее чувство только для выраженія себя самаго переходитъ отъ предмета къ предмету, какъ бы постоянно опасаясь оставить безъ выраженія какой либо свой отбѣнокъ, и часто содержащаяся въ глаголѣ метафора совсѣмъ уже не та, какой слѣдовало бы ожидать по связи ея съ существительнымъ. Такъ, воды Ефрата здѣсь могутъ обратиться вдругъ въ ассирійскаго царя, заливающаго по горло іудею; самый царь уже не царь; его человѣческій образъ вдругъ исчезъ и сократился въ одинъ атрибутъ жестокости и терзаетъ добычу какъ хищный звѣрь, или въ атрибутъ дикой легкости и быстроты и несется орломъ изъ за Іордана. Слѣдствіемъ такого направленія было то, что изъ всѣхъ родовъ поэзіи у евреевъ развилась только *мирика*, и развилась такъ, что ея торжественные звуки не потеряли своей силы доселѣ, послѣ того какъ она прошла по всѣмъ культурнымъ народамъ. Тогда какъ у арійцевъ, привыкшихъ къ спокойному созерцанію дѣйствительности, скоро образовался народный эпосъ съ своею обыкновенною, пластическою и архитектурически художественною постройкою, у евреевъ

эпическій и драматическій элементъ вовсе не выдѣлялись изъ лирики. Еврейскій поэтъ никогда не могъ забыть себя на столько, чтобы, какъ эяикъ и драматикъ, перенестись въ чужое положеніе, въ чужое чувство и мысль. Напротивъ онъ всегда остается ихъ личнымъ посетелемъ; его герои являются не для того, чтобы дѣйствовать, а только вѣстниками того, что они совершили и претерпѣли, и говорятъ всегда съ чувствомъ скорби или радости, съ возбужденностію, а вовсе не съ тѣмъ безтревожнымъ равнодушіемъ, съ какимъ озаряютъ прошлое и чужое люди, услаждающіеся только всестороннею и соразмѣрною картиною.

Этотъ именно *лирический* характеръ древнееврейской пѣсни. чуждый всякаго эпического элемента, оставили безъ вниманія исследователи, видѣвшіе героическій метръ въ книгахъ Ветхаго Завета. Только спокойный до холодности эпическій рассказъ можетъ выпести на себѣ плотную фѣрму гексаметра и пентаметра. А лирическія изліянія всегда привольны и свободны въ своемъ поэтическомъ размѣрѣ, точно также, какъ и въ своихъ образахъ и представленіяхъ. Даже у грековъ чистая лирика имѣетъ неправильное дионрамбическое стихосложеніе. Можетъ быть даже были бы близки къ дѣлу тѣ критики св. Писанія, которые не допускали въ немъ опредѣленнаго метра, (потому что сильное волненіе мысли скорѣе разлагаетъ, чѣмъ создаетъ гармонію въ выраженіи), если бы первобытная лирика не была тѣсно связана съ пѣніемъ, такъ что *тактъ древней музыки былъ тактомъ древнееврейской пѣсни*. Такъ какъ въ древнія времена поэзія, музыка и пляска составляли одно нераздѣльное цѣлое, то ихъ основной тактъ долженъ былъ быть одинаковъ. Слова и звуки въ пѣсни были поставлены только въ такомъ порядкѣ, чтобы ихъ можно было пропѣть. Такимъ образомъ мы опредѣлимъ общій характеръ библейскаго стихосложенія, если назовемъ его *музыкальнымъ* въ смыслѣ свободного подражанія музыкѣ. Но такъ какъ въ музыкѣ нужно различать а) звуки сами въ себѣ и б) тактъ образуемый сово-

купностію звуковъ, то и въ стихотворной формѣ мы должны различать вѣдшнюю и внутреннюю стороны, т. е. собственно поэтическія созвучія или матеріалъ стиха и порядокъ этихъ созвучій или движеніе стиха. Первую сторону для краткости мы называемъ *рифмою* а послѣднюю *метрою* ветхозавѣтной поэзіи.

Древнееврейскій языкъ, какъ и другіе семитическіе языки, имѣлъ особенный характеръ, зависѣвшій отъ особеннаго положенія семитическаго общества. Слишкомъ продолжительная кочевая жизнь этихъ народовъ дала особенный звукъ словесному выраженію, усиленно развивая грудь и горло, т. е. болѣе твердые органы произношенія, въ ущербъ мягкимъ, языку и губамъ, сильно огрубѣвшимъ отъ жесткаго вліянія стихій. Такой характеръ языка прекрасно изображаютъ слѣдующія слова Елигу въ книгѣ Іова 32, 18 и дал., представляющія семитическую рѣчь вытекающею изъ самой глубокой груди и открытаго горла:

Я полонъ словъ,
Тѣснить меня дыханіе въ груди моеѣ;
Грудь моя какъ вино не открытое,
Какъ мѣхи новые рвущіеся.
Поговорю и мнѣ легче
Когда говоритъ языкъ въ гортани моеѣ...

Дальнѣйшимъ замѣчательнымъ слѣдствіемъ этого вліянія условій жизни было преобладаніе въ языкѣ согласнаго элемента. Если въ языкахъ индоевропейскихъ гласные звуки имѣютъ значеніе одинаковое съ буквами согласными такъ, что они сами собою безъ помощи согласной могутъ образовать слогъ корня, то въ языкахъ семитическихъ согласныя до такой степени господствуютъ надъ гласными, что послѣднимъ нѣтъ мѣста въ древнееврейскомъ корнѣ и алфавитѣ. Древніе грамматикіи находили, что въ этомъ именно отношеніи древнееврейскій языкъ былъ особенно

близокъ къ голосу природы, богатой главнымъ образомъ согласными, а не гласными звуками.—Этою общею характеристикою древнееврейскаго языка указывается первый путь, на которомъ можно искать риѳмическихъ формъ языка. Очевидно прежде всего, что эти формы не могли основываться, какъ въ другихъ языкахъ, на соотношеніяхъ между гласными, играющими здѣсь только второстепенную роль и представляющими самый нетвердый и измѣнчивый составъ языка. Еслибы Гомаъ и Гаре не были предъубѣждены на счетъ библейскаго метра и риѳма, то уже одного внимательнаго взгляда на древнееврейскій алфавитъ для нихъ было бы достаточно, чтобы не смѣшати библейскаго стиха съ героическимъ. Риѳмическія формы древнееврейской поэзіи основываются исключительно на созвучіи *согласныхъ* вообще и преимущественно твердыхъ и гортанныхъ. Если д—ръ Шмидтъ (Griech. Etymol. Curtius. p. II) могъ производить весь греческій языкъ изъ одного звука *е*, а латинскій изъ гласной *і* съ предыханіемъ; то семитическіе языки можно сократить въ гортанныя: *г, х, р, й*. Хотя и въ отношеніи между собою согласныхъ древнееврейская поэзія представляетъ большую свободу; тѣмъ не менѣе именно здѣсь лежатъ основныя черты библейскаго риѳма, называемаго иначе *аллитераціею*.

Аллитерація есть подборъ одинаковыхъ звуковъ въ стихѣ, независимо отъ мѣста ими занимаемаго, такъ что одна и таже буква, повторяясь болѣе или менѣе въ каждомъ словѣ стиха, даетъ всему стиху характеръ музыкальнаго равнорзвучія. При этомъ, чтобы болѣе выдвинуть подбираемые звуки, ихъ ставятъ главнымъ образомъ въ удареніи словъ и ограничиваютъ согласными, какъ болѣе слышными въ произношеніи. Напримѣръ, если первое слово въ стихѣ будетъ *сдѣлать*; то главный звукъ, болѣе другихъ слышный будетъ *д* и слѣд. около него прежде всего должна сосредоточиться аллитерація, какъ это сдѣлано въ слѣдующемъ стихѣ нашей былинны: «сдѣлала дѣвица сдѣлала въ—диво.

Нужно сказать, что этотъ законъ библейскихъ поэтическихъ формъ вовсе не долженъ считаться апомалиею въ общей исторіи поэзій; напротивъ аллитерація, какъ подборъ одинаковыхъ звуковъ въ пѣсни, является какъ самая простая и самая естественная поэтическая форма, которую можно замѣчать во многихъ поэзіяхъ, напримѣръ, въ древнегерманской, скандинавской и русской. Не безъ основанія считаютъ аллитерацію пѣсни подраженіемъ языку природы, главнымъ свойствомъ котораго должно считаться однозвучіе и монотонность. (Что можетъ быть однообразіе шума вѣтра или журчанія воды)? Но если даже нельзя согласиться съ тѣмъ, что человѣкъ именно старался въ пѣсни воспроизводить знакомые ему звуки природы, то несомнѣнно то, что пѣсни у многихъ народовъ производятъ такое же однообразное то ужасающее, то усыпляющее впечатлѣніе, какъ напримѣръ: громъ, бури, шумъ воды или движеніе вѣтра. Въ римскомъ разсказѣ о походахъ Маріа на сѣверъ между прочимъ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «ночь была полна тяжелыхъ ужасовъ: изъ лагеря нѣмецкаго слышалось страшное смѣшеніе голосовъ, представляющихъ подобіе не то плачевныхъ выкриковъ, не то глухого рева дикихъ животныхъ, такъ что горы и берега звучали созвучно съ этою пѣснію». Тацитъ на счетъ нѣмецкихъ древнихъ военныхъ пѣсней говоритъ: «они выражаютъ преимущественно жесткіе звуки и какой-то прерывающійся ропотъ; при этомъ пѣвцы прикладываютъ къ губамъ щиты, отчего отраженный звукъ выходитъ еще полнѣе и рѣзче». Въ поясненіе этихъ отзывовъ припомнимъ, что еще во времена Карла великаго, современники сравнивали нѣмецкую пѣснь съ трескомъ нагруженной повозки, переходящей чрезъ плотину. О поэтическомъ языкѣ нашихъ сѣверныхъ племенъ нашъ извѣстный поэтъ замѣтилъ, что они такъ удачно втерять голосу окружающей ихъ вѣтшной природы, что кажется, еслибы какимъ либо чрезвычайнымъ дѣйствіемъ затихла на мигъ безконечная пѣсня финской природы, то выходящая изъ глубины скалы пѣсня тамо-

шняго жителя могла бы ввести путешественника въ заблужденіе; онъ не усомнился бы, что это шумъ умолкнувшаго водопада. О пѣсняхъ жителей Кохинхины Léon de Rosny (Tableau de la Cochinchine 301) замѣчаетъ, что онѣ изумительно похожи на пѣніе нѣкоторыхъ птицъ и т. под. Вотъ почему и древнееврейскіе пѣвцы сравниваютъ и свою рѣчь съ различными звуками видимой природы: съ дождемъ мелкимъ и проливнымъ, бурей, громомъ и томъ под.

Такимъ образомъ общее впечатлѣніе, производимое аллитерованною пѣснію есть впечатлѣніе силы и достоинства. Если Тацитъ, привыкшему къ музыкѣ римскаго стиха, казались дикими пѣсни древнихъ германцевъ, то тѣмъ не менѣе онъ самъ не отвергаетъ ихъ грознаго величія. Возможно, что такое же впечатлѣніе на грековъ и римлянъ производили и древнееврейскія пѣсни; но крайней мѣрѣ лица, заинтересованныя тѣмъ, чтобы язычники имѣли возможно высокій взглядъ на поэтическій языкъ Бибіи, старались смягчить его формы различными приспособленіями къ греческому языку, основываясь на томъ, что оцѣнить по достоинству всю натуральную красоту древнееврейской поэзіи могъ только человѣкъ близко знакомый съ духомъ и характеромъ древняго языка и самой жизни, а обыкновенный наблюдатель, подобно Тациту, въ древней пѣсни слышалъ только грозныя воли и ревъ. — Кромѣ своего особеннаго внушающаго величія, аллитерованныя формы, далѣе, сообщали древнееврейской поэзіи, если можно такъ выразиться особенную плотность въ ея выраженіи, такъ что божественное ученіе, переданное въ этой пѣсни, дѣлалось совершенно неприкосновеннымъ, благодаря своей виѣшней формѣ. Часто спрашиваютъ, отчего нѣкоторыя священныя книги изложены въ искусственной поэтической оболочкѣ, когда онѣ могли бы имѣть одинаковое значеніе и въ прозаической формѣ? Хотя подобныя вопросы имѣютъ мало смысла, какъ мало смысла имѣеть и вопросъ: зачѣмъ вообще существуетъ поэзія, когда человѣку, для выраже-

нія своихъ мыслей, совершенно достаточна проза? но тѣмъ не менѣе на подобный вопросъ мы можемъ отвѣчать, что и наша поэзія, основанная на не менѣе искусственномъ риѣмѣ, оказываетъ большую услугу педагогамъ тѣмъ, что въ ея формѣ переданное содержаніе, по извѣстнымъ законамъ мнемоники, гораздо тверже усваивается, чѣмъ всякій другой родъ ученія, какъ совершенно справедливо говоритъ пословица: «изъ пѣсни слова не выкинешь», иначе сейчасъ окажется пустота и нескладъ. Для доказательства того, какъ плотно можетъ окутываться стихъ аллитераціею, приводимъ въ примѣръ аллитерованные стихи изъ нашихъ былинъ, аллитерація которыхъ на первый разъ незамѣтная для нашего слуха, мало обращающагося въ подобнаго рода поэтическихъ формахъ, при ближайшемъ знакомствѣ не можетъ быть отвергаема. Вотъ замѣчательно аллитерованное двустишіе:

День за день какъ дождь дождить,

Недѣля за недѣлей какъ Дунай бѣжитъ....

Или еще: *Сиднемъ сидитъ крестьянскій сынъ* (Илья Муромецъ).

Или еще: *За Кремлемъ горитъ заря красная....*

Въ этихъ строкахъ трудно измѣнить что либо, или опустить какой либо звукъ даже при намѣренномъ желаніи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что здѣсь каждое слово держитъ при себѣ по аллитераціи другое (главные аллитерирующие звуки здѣсь *д, с, р, кр. гр. как. и пр.*). Или вотъ густо аллитерованные стихи изъ древнеѣмецкой пѣсни (Frauer's Grammatik und Chrestomathie, Hildebrandslied. 1860):

Degano dechisto, unti Deotrichte...

mil geru scal man geba infahan,...

или: *Chind im chunincriche chûd ist...*

Но въ этомъ мнемоническомъ отношеніи наша или древнегерманская пѣснь далеко уступаютъ еврейской, въ которой подобранные по аллитераціи звуки часто зацѣпляютъ не только слово за слово, но и строку за строку, такъ что при каждомъ звуковомъ

намеръ вся пѣснь, или по крайней мѣрѣ часть ея, волей—неволей проносится въ памяти рядомъ сильныхъ аллитерованныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, не смотря на незначительное развитіе грамотности въ древнееврейскомъ народѣ, вслѣдствіе котораго списки Библии не могли быть въ рукахъ каждаго члена общества, вѣрнѣе всякихъ хартій могла хранить божественное слово народная память, облегченная вспомогательными внѣшними средствами, подобно тому, какъ тѣже самыя средства аллитераціи сохраняли отъ забвенія въ теченіи вѣковъ объемистыя пѣсни нашихъ былинь. Въ этомъ отношеніи аллитерацію не можетъ замѣнить размѣръ или метръ стиха, гармоническое расположеніе удареній, или долгихъ и короткихъ гласныхъ, потому что метръ стиха для памяти мало связанъ съ содержаніемъ, и очень часто бываетъ, что помнится одинъ напѣвъ пѣсни, когда слова и содержаніе забыты. Это важное мнемоническое значеніе аллитераціи, между прочимъ, кажется было причиною того, что даже въ прозаическихъ книгахъ, напримѣръ, въ изложеніи историческихъ обстоятельствъ, или законодательныхъ постановленій, рѣчь принимаетъ поэтическій оттѣнокъ чрезъ аллитерацію; чѣмъ важнѣе мѣсто въ Библии, тѣмъ яснѣе чувствуются въ немъ руководственныя для памяти эти внѣшнія созвучія, такъ что мазореты имѣли основаніе весь Ветхій Заветъ разсматривать какъ произведеніе поэтическое. Подобную же поэтическую аллитерацію въ отдѣлахъ и рѣчахъ вовсе не поэтическихъ, вызванную практическими цѣлями, можно встрѣчать у нынѣшнихъ арабовъ, которые напр. давая имена своимъ многочисленнымъ конямъ, въ интересахъ запоминанія, стараются во всѣхъ этихъ именахъ удержать какой либо одинъ общій звукъ. Какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что, тогда какъ у другихъ народовъ содержаніе священныхъ пѣсней едва было извѣстно небольшой категоріи лицъ, спеціально посвятившихъ себя ихъ изученію, каковы были рапсоды у грековъ, друиды у кельтскихъ галловъ, у евреевъ не только священныя пѣсни, но и буква закона была

достояніемъ всего общества, хранясь въ *сердцѣ народа*, какъ прекрасно выражались древніе евреи. Изъ многихъ мѣстъ св. Писанія видно, что пѣніе св. пѣсень было однимъ изъ самыхъ привычныхъ препровожденій времени у евреевъ. О пѣсни по переходѣ чрезъ Чермное море говорится, что ее пѣли съ Моисеемъ всѣ сыны Израиля (Исх. 14. 31). Пѣснь объ источникѣ (Числ. 21, 17) представляется также народною пѣснію, принадлежащею не какому либо пѣвцу, а всему народу. Пѣснь Моисея Втор. 32 должны были изучить и распѣвать всѣ евреи. Нерѣдко встрѣчаются большіе или малые хоры изъ мужчинъ и женщинъ, распѣвающие священныя пѣсни (Исх. 15, 20. 21. Суд. 41, 40. 1 Цар. 18, 7).

Мы сказали, что аллитерація есть первоначальная и самая простая форма поэзіи многихъ языковъ, пока ихъ естественнаго строя не коснулась разрушающая сила анализирующей мысли, постепенно отвергающая то, что не было строго необходимо въ языкѣ для ся выраженія. Съ развитіемъ интеллектуальной жизни народа, первоначальная форма поэзіи, какъ природою указанное, простое средство гармоническаго созвучія, дѣлается излишнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, органы произношенія теряютъ свою упругую первобытную силу, въ выговорѣ сглаживаются многіе натуральные оттѣнки, гласные звуки умножаются и вообще аллитерація съ своими звуками уступаетъ мѣсто новымъ поэтическимъ формамъ. Оттого въ настоящее время только простыя нарѣчія, стоящія въ сторонѣ отъ господствующихъ культурныхъ языковъ, напримѣръ нашъ простонародный русскій языкъ, продолжаютъ еще удерживать формы аллитераціи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь привести аналогіи развитія аллитераціи въ русскихъ былинахъ, но крайней неразработанности ихъ исторіи. По результатамъ же изслѣдованій народной нѣмецкой поэзіи, оказывается, что аллитерація начинаетъ исчезать тамъ съ девятаго вѣка, т. е. съ того времени, когда латинское духовенство наложило запретъ на

языческія, собственно пародічныя, пѣсни. Это мифіе основываютъ на собственномъ выраженіи Готфрида въ его предисловіи къ *книгѣ Евангелія*. Впрочемъ, и независимо [отъ стороннихъ вліяній, аллитерація сама собою должна была пасть современемъ такъ сказать отъ собственнаго отяготѣнія, потому что общій законъ движенія поэтическихъ аллитерацій состоитъ въ томъ, что созвучіе словъ изъ мягкаго и пѣжнаго дѣлается постепенно все выразительнѣе и тверже и наконецъ доходитъ до полнаго созвучія словъ, т. е. до ихъ повторенія, что въ сущности уже не есть аллитерація. Доказательствомъ на это представляютъ нѣмецкія былины такъ называемыя Merseburger Zauberlieder, принадлежащія началу десятаго вѣка и имѣвшія вполне языческое происхожденіе. Въ этихъ былинахъ, не смотря на ихъ независимое развитіе, уже очень слаба аллитерація и ищетъ поддержки въ риѣмѣ и другихъ искусственныхъ формахъ метрики. Особенно часто позднѣйшая аллитерація вводитъ повтореніе словъ, дѣлающее иногда стихъ крайне монотоннымъ и вялымъ. Напр.

thu biguol en Sinhtgunt, Suna, era swister,
thu biguol en Frua, Volla, era swister,
thu biguol en Wodan, so he Wola conda
sose benrenki, sose bluotrenki, sose lidirenki
ben zi bena bluot zi bluoda
lid ze deliden sose delimida sîn.

(См, Wackernagel's Geschichte der deutschen Nationalliteratur. Th I. § 25 S. 45 и дал.). Или вотъ стихъ изъ очевидно позднѣйшей русской былины.

Они пѣхали, попѣхали
 До Москвы не допѣхали
 Среди поля припѣхали
 Среди поля чистаго.
 Среди луга зеленаго.
 Да шатры то раздернули

Шатры полотняные,
Да послали *скора посла*
Скора посла скоморошину.
Да какъ онъ *скорой посолъ*
Скорой посолъ скоморошина,
По версты онъ *идя по скоку*
Полторы онъ шелъ по маху.

О законахъ историческаго движенія древнееврейской аллитераціи, въ связи съ библейскими поэтическими памятниками, мы будемъ говорить особо. Но въ общихъ чертахъ ходъ ея и виды можно представить здѣсь такъ: 1) какъ и въ нашихъ былинахъ аллитерація въ Библии имѣетъ свободный характеръ, не ограничиваясь какимъ либо опредѣленнымъ мѣстомъ, или опредѣленнымъ количествомъ звуковъ, хотя эта свобода все болѣе и болѣе слабѣетъ въ позднѣйшихъ памятникахъ. 2) Иногда къ аллитераціи присоединяется и ассонансъ т. е. созвучіе гласныхъ, но его нужно считать рѣдкою риѣмическою формою. 3) Что касается риѣма въ собственномъ смыслѣ, т. е. созвучія конечныхъ звуковъ стиховъ, то онъ существуетъ въ еврейской поэзіи только какъ видъ аллитераціи. 4) Особенный риѣмическій родъ представляетъ повтореніе словъ въ ихъ полномъ или не полномъ видѣ; это повтореніе словъ, вышедшее изъ аллитераціи, не имѣетъ ничего общаго съ повтореніемъ словъ у новѣйшихъ поэтовъ и ораторовъ, гдѣ имъ только усиливается смыслъ извѣстныхъ словъ и выраженій. 5) Особенное значеніе имѣетъ повтореніе словъ и аллитерація въ отношеніи къ собственнымъ именамъ и къ числительнымъ. 6) Дальше повторенія отдѣльных словъ аллитерація не развивалась. Предположеніе, что параллелизмъ членовъ стиха вышелъ изъ повторенія словъ путемъ постепеннаго развитія, основывающееся на томъ, что при повтореніи словъ выбирались слова самыя важныя въ предложеніи, составляющія его сущность, и что отсюда, слѣдовательно, недалеко было до повторенія всей мысли,—не

можетъ быть принято. Параллелизмъ имѣеть совершенно другое происхожденіе.

Въ самой Библии нѣтъ слова, которымъ обозначалось бы рифмическое или аллитерованное построеніе пѣсни, если не считать такимъ словомъ неясное техническое выраженіе при пѣсни *schig-gajon*, которымъ у арабовъ обозначается *рифмическая рѣчь* (этимологически это слово значитъ *движущійся стройными рядами*). Но что это слово обозначаетъ только рифмъ или аллитерацію, а не стопосложеніе, видно изъ того, что у арабовъ этимъ именемъ обозначается рифмованная, но безстопная проза арабскихъ вѣщунъ до Магомета.

Прежде чѣмъ перейдемъ въ частности къ опредѣленію различныхъ видовъ библейской аллитераціи, мы должны еще показать первоначальное инстинктивное направленіе языка къ этой поэтической формѣ въ устахъ народа, изъ котораго направленія, впоследствии, пѣвцы народные образовали особенныя формы. Во всѣхъ языкахъ можно встрѣчать такого рода образованія словъ, что при нихъ нельзя обойтись безъ предположенія безсознательно дѣйствующаго въ народномъ духѣ закона аллитераціи, образующаго въ языкѣ то, что называютъ поэзіею до поэзіи и необъяснимаго никакими логическими законами. Почему, напр., очень многія слова синонимическіи или обнимающія однородную область явленій и, потому, часто употребляемые совместно, начинаются однимъ и тѣмъ же звукомъ. Такъ въ русскомъ языкѣ: туча, тѣнь и туманъ, рѣка и рыба, рыба и ракъ, вода и волна, водяной и влажный, поле и пахарь, гора и гордость, заря и завтра свѣтъ и солнце и т. под. Въ нѣмецкомъ: Himmel и Helle, Wind и Wetter, Land и Leute, Haus и Hof, Pfennig и Pfant, Kraft и Kunst, Sitte и Sinn, Werk и Wort и т. под. Въ еврейскомъ языкѣ сравнительное количество такихъ словъ слишкомъ велико. Если

у насъ такія близкія по значенію слова, какъ: отецъ и мать, мужъ и жена, сынъ и дочь, братъ и сестра, могутъ не имѣть ничего общаго по звуку; то въ еврейскомъ они обыкновенно аллитерованы: *av* и *am*, *ben* и *bath*, *ach* и *achoth*, *basur* и *bethulah* и т. под. Это объясняютъ тѣмъ, что еврейскій языкъ въ своемъ развитіи почти не встрѣчалъ стороннихъ вліяній въ теченіи многихъ вѣковъ (*Ausf. Lehrb. der hebräisch. Spr. von Ewald. S. 22* и д.), какъ это было съ нѣмецкимъ языкомъ въ его столкновеніи къ римскимъ началомъ и съ языкомъ русскимъ въ его столкновеніи съ началомъ византійскимъ.

Кромѣ этихъ безыскусственныхъ аллитерованныхъ словообразованій, въ ветхозавѣтныхъ памятникахъ можно встрѣчать много такихъ, которыя, не употребляясь въ обыкновенномъ разговорѣ, назначались собственно для поэзіи вмѣсто другихъ однозначащихъ, но не однозвучныхъ словъ. Многие слова еврейскія употребляются только въ поэтическихъ книгахъ, и въ такомъ случаѣ они болѣею частію подчинены закону аллитераціи, замѣняющей разпозвучныя слова созвучными ¹⁾. Такимъ образомъ по-

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя изъ употребительнѣйшихъ аллитерацій въ образованіи собственно поэтическаго языка ветхозавѣтнаго:

Afsej-aretz концы земли вмѣсто прозаическаго: *keizoth-aretz*

Dath и *din* законъ и право.

Chereb chaddah мечъ острый. Последнее слово безъ связи съ первымъ нигдѣ не употребляется.

Kimah и *k'sil* оріонъ и псады. Въ другихъ сочетаніяхъ это слова не употребительны.

Nin и *neked*, сынъ и внукъ. Взято изъ народнаго языка поэтами.

Holam и *hed*, на всегда и навѣки

Ka'ath и *kippod*, пеликанъ и ежъ. Сопоставленіе этихъ двухъ разнородныхъ животныхъ можно объяснить только стремленіемъ къ аллитераціи.

тическая аллитерація сродна самимъ древнееврейскимъ корнямъ, раждавшимся подъ ея вліяніемъ. Подобные поэтическіе словари можно встрѣчать почти исключительно у семитовъ потому, что индоевропейскіе языки не имѣютъ достаточно лишнихъ словъ, т. е.

Karoth и *kipha'on*, холодъ и морозъ.

Tzarah и *tzukah*, гнетъ и горе.

Rechaim и *recheb*, мельница и жерновъ.

Sason и *simchah*, веселіе и радость.

Jischom и *jischrok* испугается и свиснеть. Сопоставленіе этихъ двухъ словъ взято вѣроятно изъ рѣчи народной.

Hanan и *harafel*, туча и тьма, *Nacht* и *Nebel*.

Siach и *sig* занять и задержать. Народное сопоставленіе словъ, обозначающее пренятствіе явиться на приглашеніе.

Schamir и *schaith*, терны и волчцы. Второе слово безъ связи съ первымъ не употребляется.

Hatzur и *hasub*, узникъ и свободный и проч. и проч.

Одинаковыя согласныя въ срединѣ слова при одинаковыхъ гласныхъ:

Chaprethi и *haplethi* палачи и скороходы. Въ взаимнаго сочетанія эти слова не встрѣчаются.

Thohu и *bohu*, пустота и хаосъ. Второе слово, кромѣ этого сочетанія, не встрѣчается.

Mobah и *motzah*, входъ и выходъ. Первое слово для созвучія употребляется даже грамматически не правильно, вмѣсто *taboh*.

Hafar и *'efer* пыль и пенель.

Pachad и *pachaith*, ужасъ и пропасть.

Matzur и *matzok* нужда и напасть. Второе слово безъ созвучія перваго не употребляется.

Scho'ah и *mescho'ah*. Последнее слово безъ перваго не употребляется.

Schemamah и *meschamah*. Употребляются только въ такомъ созвучіи.

Tha'anija и *anija*. Второе слово безъ перваго неизвѣстно, и мн. друг.

совершенно тождественныхъ названій одного и того же предмета, изъ которыхъ поэтъ по произволу могъ бы выбирать нужныя созвучія. Если Вильмаръ въ своей исторіи нѣмецкой литературы о достоинствѣ древняго нѣмецкаго языка замѣчаетъ между прочимъ то, что онъ имѣлъ для понятія *человѣкъ* восемь различныхъ выраженій; то Фирузабади, авторъ сочиненія Kamus, говорить о 1,000 арабскихъ словъ для *меча*, 500 для льва, 200 для змѣи, 80 для меда и проч. (Extrait des Mém. de l'Academie de Vienne, classe de philol. et d'hist. VII). Можно представить себѣ какаѣ борьба за существованіе должна была быть между этою массою словъ, прежде чѣмъ установилось одно признанное приличное имя для каждаго предмета. Но, тогда какъ въ индоевропейскихъ языкахъ признаніе того или другаго слова зависѣло исключительно отъ его силы, плодотворности и выразительности, семиты не упускали при этомъ изъ виду и тѣхъ созвучій, какія должно было дать слово въ ряду другихъ словъ созвначіихъ.

Мало того, что, такимъ образомъ, появленіе отдѣльныхъ словъ часто обусловливалось въ древнееврейскомъ языкѣ подборомъ созвучій; таже аллитерація проникаетъ въ неподлежащій по видимому условіямъ поэтическихъ созвучій, сухой механизмъ языка. Во всѣхъ грамматикахъ еврейскихъ можно найти правило, что глаголь, въ качествѣ своего прямаго управленія, принимаетъ созвучное существительное того же корня (Евальдъ § 281 а. Гезеніусъ. § 218, 5). Если подобное явленіе отчасти встрѣчается и въ другихъ языкахъ, то такъ рѣдко и случайно, что обыкновенно даже и не выставляется между правилами. Ближе всего сравниваютъ въ этомъ отношеніи съ еврейскимъ греческій и латинскій языки; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, это сравненіе теряетъ всякое значеніе. 1) Самое количество подобныхъ аллитерованныхъ предложеній въ греческомъ и латинскомъ языкахъ ничтожно, если сравнить его съ количествомъ подобныхъ предло-

женій въ еврейскомъ языкѣ, гдѣ каждый почти глаголь, особенно въ поэтической рѣчи, можетъ входить въ предложеніе съ именемъ того же корня. Между тѣмъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ это правило ограничивается только нѣсколькими глаголами; вотъ всѣ эти глаголы: ἀδικεῖν ἀδικίαν, βασιλεῦσθαι βασιλείαν, ἐπιμελεῖσθαι, ἐπιμέλειαν, θεᾶσθαι θεαν, μάχεσθαι μάχην, μεριμνᾶν μερίμναν, πάσχειν πάθος, ὑβρίζειν ὑβριν; bellum bellare, pugnam pugnare, gaudium gaudere, risum ridere, ludum ludere, somnium somniare, preces precari, servitum servire, vitam vivere. 2) Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ видно изъ этого перечня, подобная конструкція возможна только при среднемъ значеніи глагола, тогда какъ въ еврейскомъ ее одинаково терпятъ и дѣйствительные глаголы. 3) Въ греч. и лат. подобное предложеніе возможно только тогда, когда между глаголомъ и именемъ стоитъ стороннее опредѣлительное прилагательное, чѣмъ значительно ослабляется сила созвучія, напр., нужно сказать: βασιλείαν δικαιοτάτην βασιλεῦσθαι, или въ латинскомъ: pugnam gravissimam pugnare, между тѣмъ какъ въ еврейскомъ возможны безразлично и случаи непосредственнаго слѣдованія прямого управленія за глаголомъ. 4) Въ еврейскомъ языкѣ стремленіе къ такимъ соединеніямъ не ограничивается только тѣми случаями, когда существительное придается глаголу какъ объектъ и когда, по выраженію Евальда, глагольное понятіе выясняется само изъ себя, посредствомъ своей собственной существительности (Lehrb. § 281 a), но глаголь можетъ соединяться съ одинаковаго корня именемъ и посредствомъ предлога. Если бы подобныя аалитераціи имени и глагола, какъ говорятъ грамматики, имѣли цѣлю только усиленіе главнаго понятія, то это усиленіе могло бы совершиться тысячею другихъ средствъ, если бы въ природѣ языка не лежало требованіе созвучій. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ нельзя указать ни малѣйшаго усиливающего момента въ значеніи понятія отъ прибавки къ нему другого слова того же корня. Они были бы безсмысленны, если бы

отнять отъ нихъ поэтическое значеніе. Такимъ образомъ, не только въ образованіи отдѣльныхъ корней еврейскаго языка лежитъ начало аллитераціи, какъ особенной поэтической формы, но она проникла глубоко въ самый механизмъ языка, такъ что было бы странно, если бы, при такомъ составѣ языка, поэты не воспользовались этими естественными созвучіями въ интересахъ рима. И какую противоположность еврейскому языку въ этомъ отношеніи представляетъ нашъ современный литературный языкъ, въ которомъ напротивъ выраженія одного корня большею частію обходятся; напр., вмѣсто *болѣть болѣзнію* у насъ охотнѣе говорятъ: *терпѣть болѣзнь*, вмѣсто: *покрыть покрывкомъ*, — *положить покрывку* и т. под. Въ древнихъ русскихъ былинахъ можно еще встрѣчать сряду слова одного корня, но они большею частію не касаются основъ механизма древнерусскаго языка, а только изрѣдка появляются на его поверхности; таковы напр., *день деньской*, *тма тмушая*, *чудо чудное*, *диво дивное*, *воля вольная*, *мука мученическая*, *одинъ одинешенекъ* и пр. Вотъ почему аллитерація, играющая важную роль въ нашей древней русской поэзіи, очень скоро уступила мѣсто другимъ поэтическимъ формамъ, не имѣя для себя основанія въ корнѣ языка, тогда какъ еврейская аллитерація встрѣчается отчасти въ самыхъ послѣднихъ библейскихъ памятникахъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ нѣкоторые изъ употребительнѣйшихъ въ Ветхомъ Заветѣ сочетаній глаголовъ съ именемъ тогоже корня:

'Asar 'issar давать обѣтъ.

Banah baith, строить домъ.

Bacha bchi, плакать плачемъ.

Barak barâk, метать молнію.

Dibber dabâr, говорить рѣчь.

Dan din, имѣть разсужденіе.

Zabach zebach приносить жертву.

А. Переходимъ къ поэтической аллитераціи.—Къ чему языкъ оказывалъ расположенность въ своемъ первоначальномъ состояніи, это съ теченіемъ времени является искусственнымъ украшеніемъ его и переходитъ въ собственно поэтическія формы. Поэтическая аллитерація древней еврейской поэзіи имѣетъ два вида: аллитерація *слабая* или легкая и аллитерація твердая или *сильная*.—Перваго рода аллитерація состоитъ въ томъ, что одинаковые звуки въ стихѣ не сводятся въ одно мѣсто, но бываютъ разбросаны по многимъ, или даже по всѣмъ словамъ стиха и въ самыхъ словахъ могутъ стоять въ началѣ или въ срединѣ слова. При этомъ конечно болѣе обращается вниманіе на слова важ-

Chagag chag, праздновать праздникъ.

Chud chidah, давать загадку.

Chata' chata'ah, совершить грѣхъ.

Chala choli, впасть въ болѣзнь.

Chalam chalom, видѣть сонъ.

Chalak machlekoth раздѣлить на части.

Chaschab machschaboth, быть осторожнымъ въ мысли.

Tabach tebach, приготовить убитое животное.

Jada' da'oth, имѣть познаніе.

Hosid musad, класть основаніе.

Ja'ad mo'ed опредѣлять время.

Jazar jezer, образовать фигуру.

Jare' jir'ah имѣть страхъ.

Katab miktab писать письмо.

Liket leket, ѣсть пищу.

Meth memothim умереть.

Malach melech, царствовать.

Niggen neginah, играть игру.

Nakam nakâm мстить.

Naschak neschikah цѣловать.

Nithlach linthachim рѣзать на куски.

нѣйшія въ рѣчи. Обыкновенно сопоставляются такимъ образомъ только согласныя. Отъ риема эти сочетанія отличаются тѣмъ, что они не имѣютъ созвучія въ гласныхъ, что всегда бываетъ при риѣмѣ. Въ самой древней еврейской поэзіи обыкновенна аллитерація легкая разбросанная въ стихѣ, если нѣтъ при этомъ повторенія одного корня: напр.

Втор. 33, 9. Нао (נ) mer lea (נ) biv uli (נ) mo lo (נ)
rei (נ) thiv vee (נ) th e (נ) chav lo (נ) hikkir.

Онъ говоритъ объ отцѣ и матери:
«Я не обращаю на нихъ вниманія»,
И не хочетъ знать брата своего.

‘Abad ‘abodah, отправлять работу.
Pa‘al ро‘al, дѣлать дѣло.
Paraz Perez, дѣлать чертежъ.
Kam bemaком, стоять на мѣстѣ.
Hikdisch kodesch прославить святымъ.
Hirschib kescheb слушать съ напряженіемъ.
Ra‘a mar’eh видѣть видѣніе.
Rib rib вести споръ.
Samach simchah имѣть удовольствіе.
Sa‘ar sa‘ar дрожать.
Seraph serephah погребать торжественно.
Schabar schebbaron ломать.
Schabath schabâth праздновать субботу.
Schir schirah пѣть.
Schama‘ schemu‘ah слышать слухъ.
Schamar mischmereth наблюдать предписаніе.
Schaphath mischphath судить судъ.
Darach derech пускаться въ путь.
Gazal gezelah, грабить грабежемъ
и многія другія.

Здѣсь стихъ аллитеруется буквою *н*, повторяющеюся въ каждомъ словѣ стиха (за исключеніемъ послѣдняго) ср. Быт. 49, 1, кромѣ того въ трехъ словахъ сразу здѣсь звучитъ въ началѣ буква *з*.

Ст. 11. Mechaz mathnaim kamav umsan'av min jekumun.

Онъ сокрушилъ бедра своего противника

И врага своего, чтобы они не возстали болѣе.

Здѣсь главнымъ связывающимъ звукомъ является буква *мемъ*, повторенная семь разъ въ шести словахъ стиха.

Ис. 24, 9. Baschir lo—jischthi jain jemar schekar lischthav.

Не пьютъ вина съ пѣснями

Горька сикера для пьющихъ ее.

Здѣсь стихъ аллитерованъ согласною *минъ*, повторенною правильно въ двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ словахъ; два среднія слова повторяютъ *iodъ*.

Втор. 33, 28. Vajisckon israel betach badar 'en Ia'akob.

Изъ шести словъ этой строки стиха первые два связаны между собою повтореніемъ буквы *минъ*, вторые два — буквы *бетъ*, третьи два — буквы *аинъ*.

Ис. 16, 11. Me'aj lemo'ab kakkinor jehemu vekirbij lekir chares.

Сердце мое о Моавѣ какъ арфа стонетъ

И внутренность моя о Киръ-Харесѣ.

Здѣсь свободно аллитерованъ стихъ такимъ образомъ, что два первые слова связаны буквою *мемъ*, три послѣднія буквою *рошъ*; среднія два слова имѣютъ также буквы *мемъ* и *рошъ*, но съ перемѣною мѣстъ, такъ что слово съ буквою *рошъ* стоитъ ближе къ первымъ словамъ, а съ буквою *мемъ* къ послѣднимъ.

Ис. 18, 10. Vajet schamaim vajered.

Онъ наклонилъ небеса и сошелъ.

Здѣсь во веѣхъ словахъ повторяется *iodz*. — Особенный видъ этой легкой аллитераціи представляетъ повтореніе частицъ, особенно частицы *ve* и.

Ис. 19, 3. Обратятся они къ идоламъ,

И къ колдунамъ,

И къ шептунамъ и къ знахарямъ....

Эта аллитерація, состоящая въ повтореніи частицъ, обильна и въ нашихъ былинахъ. Напр.

Проходилъ (богатырь) *до зари до зари*

До утренней до поры до поры.

Сильная аллитерація представляетъ болѣе ясное и определенное созвучіе, обнимающее собою нѣсколько буквъ въ нѣсколькихъ, или по крайней мѣрѣ въ двухъ важнѣйшихъ словахъ. Этого рода аллитерація преимущественно замѣчается между *коренными* буквами въ словахъ, такъ что для болѣе или менѣе яснаго представленія ея необходимо знать языкъ по крайней мѣрѣ на столько, чтобы умѣть отличать въ немъ коренныя и служебныя буквы. А такъ какъ количество коренныхъ въ еврейскомъ языкѣ довольно велико, сравнительно съ другими древними языками, именно три полныхъ согласныхъ,* то отсюда и аллитерація коренныхъ въ еврейской поэзіи очень разнообразна. 1) Могутъ быть аллитерованы двѣ *первыя* согласныя двухъ различныхъ корней. 2) Могутъ быть аллитерованы двѣ *последнія* коренныя. 3) Двѣ буквы разныхъ корней вообще, *независимо* отъ мѣста или занимаемаго. 4) Возможенъ, хотя и рѣдко, такой случай, что одна изъ коренныхъ согласныхъ одного слова аллитеруется не съ коренною, а съ префиксомъ другого. — Все эти правила, во избѣжаніе однообразія, имѣютъ самое разнообразное приложеніе къ отдѣльнымъ въ частности стихамъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить необыкновенной естественности и простоты, съ какою библейская

поэзія развиваетъ эти формы, такъ что иногда трудно бываетъ указать границы, гдѣ кончится естественное свойство языка и начинается искусство. Доказательство употребленія этихъ поэтическихъ формъ, связывающихъ стихи, можно находить въ каждой главѣ поэтическихъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завета.

1. Сильная аллитерація въ началѣ слова:

Ис. 8, 5. *Iehovah 'adonenu!* ma *'adir schimecha*....

Іегова Господь нашъ!

Какъ величественно имя Твое!..

Ис. 1. 1. *Aschrej haisch ascher lo halach*...

Благо человѣку, который не ходилъ.....

Ис. 18, 7. *Minnogah negdo 'abav 'abru*.

Отъ блеска взора Его

Сторонились облака.

Ис. 122, 6. *Scha'alu schelem Ieruschalam*.

Привѣтствуйте желаніемъ мира Іерусалимъ.

Притч. 16, 14. *Chamath melech malachej maveth*.

Гнѣвъ царя—вѣстникъ смерти.

Ис. 29, 6. *Meim Iehovah zebaoth tippaked beraam uberaasch vekol gadol sufa useara*.

Ис. 24; 18 19. *Hannas mikkol happachad ippol 'el happachath, vehao'leh mithoc happachath jillaced ba—pach*.

Іов. 9, 9, *'Oscheh 'asch csil vecimah*.

2. Сильная аллитерація между конечными коренными:

Ис. 18, 8. *Vathig'asch, vathir'asch ha'arez*

Потрясаясь задрожала земля.

Ис. 2, 18. *Veha'elilim calil jachaloph*.

Идолы уничтожатся совершенно.

Ис. 2, 19. *Bekumo la'arez ha'are*

Когда Онъ возстанетъ потрясти землю.

Пс. 147. 16. *Kephor ka'epher jephazer*

Онъ сыплетъ иней какъ пепель.

Иов. 41. 3. *Debar geburoth....*

3. Третій родъ сильной аллитераціи представляетъ свободное сопоставленіе риѳмически соединяемыхъ буквъ, независимо отъ мѣста, ими занимаемаго, такъ что первая отъ начала согласная одного слова можетъ находить для себя соотвѣтствіе во второй или въ третьей второго слова, вторая въ первой или въ третьей и т. д. Если изъ трехъ буквъ еврейскаго корня двѣ, риѳмически соединяемыя, означимъ буквами *a*, *b*, а несоединяемую риѳмически третью, какая бы она ни была, чрезъ *x*; то получимъ такіа формулы: $abx=axb=bxax=bxa=xab=xba$. Вотъ примѣры подобныхъ соединеній:

Быт. 49, 3. $abx=bxa$ *Ruben becori 'athah.*

Рувимъ, ты первенецъ мой.

— — 14. $xab=xba$ *Isaschar chamor gareu*

Иссахаръ осель крѣпкій.

Втор. 33, 20. $abx=bxa$ *Baruc marchib Gad*

Благословенъ распространившій Гада.

1 Цар. 18, 8, $xab=abx$ *Hicca Schaul ba'alaphav*

Саулъ побѣдилъ тысячи.

Пс. 18, 40, $axb=bax$. *Vath'azreni chail lamitchemah*

Ты опоясалъ меня силою для войны.

Числ. 24, 8. $ab=xab$ *Vechitzav imchatz*

И стрѣлами своими Онъ разить.

4. Сильная аллитерація начальныхъ звуковъ, въ которой мѣсто одной изъ коренныхъ буквъ занимаетъ префиксъ; встрѣчается рѣдко. Напр.

Числ. 24, 8. *El motzi'o mimmitzraim*

Богъ, выведшій ихъ изъ Египта.

Числ. 24, 9. *Cará schasab ca'ari.*

Онъ преклонился лежить какъ левъ.

Богатство этихъ формъ еврейской аллитераціи съ одной стороны говорить о необыкновенномъ поэтическомъ развитіи народа, у котораго всякая рѣчь сама собою могла ложиться въ поэтическую форму, съ другой въ самомъ этомъ поэтическомъ развитіи открываетъ такую тонкость языка и слуха, предъ которой грубы нынѣшнія поэтическія формы нашего языка. Еврейская аллитерація не сковываетъ себя правильнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же звуковъ, не приурочиваетъ ихъ къ одному мѣсту, не ловитъ ихъ вездѣ, гдѣ бы они не явились, по ходу предложенія. И чѣмъ разнообразіе и мягче это созвучіе въ стихѣ, чѣмъ больше словъ входятъ въ его кругъ, тѣмъ выше былъ поэтический стихъ для древнихъ евреевъ, между тѣмъ какъ для насъ, непривыкшихъ къ такому роду поэтическихъ формъ, достоинство стиха въ этомъ отношеніи можетъ открыться только чрезъ математическое счисленіе равныхъ, неправильно разбросанныхъ звуковъ. Впрочемъ эта неправильность имѣетъ отчасти свое основаніе въ самомъ характерѣ еврейскихъ корней. Если индоевропейскіе корни болѣею частію односложны и, сосредоточивая въ себѣ силу выраженія, тѣмъ самымъ сообщаютъ большую правильность тону; то корни еврейскіе, состоящіе изъ трехъ согласныхъ распадаются всегда на два слога, и каждый изъ этихъ слоговъ болѣе или менѣе стремится звучать сильнѣе другихъ побочныхъ слоговъ чрезъ отраженіе на нихъ своего звука. Если справедлива гипотеза, что еврейскій языкъ въ свое до-историческое время имѣлъ

односложные корни; то примѣчаемая теперь неправильность въ аллитераціи, можетъ быть, указываетъ то состояніе языка, когда корни его уже возрасли до двухъ слоговъ, но когда различался еще коренной слогъ древнѣйшій и новѣйшій, такъ что гдѣ теперь видимъ аллитераціи во второмъ слогѣ, помимо перваго, тамъ, въ переходное состояніе языка, могла чувствоваться особенная сила, именно въ этомъ слогѣ, какъ болѣе первоначальномъ. Замѣчаемъ это потому, что вообще въ еврейской аллитераціи замѣтно стремленіе поставлять въ созвучіе именно начальную коренную, такъ что этого рода аллитерацію можно считать самою сильною и выдержанною болѣе другихъ.

Далѣе аллитерація связываетъ рѣзкимъ образомъ не только отдѣльные слова въ строкѣ, но и цѣлыя части стиха, такъ что, какъ мы говорили выше, по законамъ одного внѣшняго созвучія, языкъ ветхозавѣтный легко могъ возстановлять въ памяти цѣлый рядъ строкъ и строфъ. Но и здѣсь сврейская поэзія открываетъ такую же свободу, какъ и въ разсмотрѣнныхъ нами созвучіяхъ малаго объема словъ, не выдерживая самыхъ простыхъ формъ эпической поэзіи. Вотъ нѣкоторыя формы соединенія отдѣльныхъ частей или строкъ стиха посредствомъ аллитераціи.

Аллитерованная согласная можетъ повториться два три раза въ первой строкѣ и одинъ разъ во второй, какъ это обыкновенно бываетъ въ древней нѣмецкой поэзіи, раздѣляющей длинный стихъ на двѣ части:

Ис. 6, 8. *Aschscha micca'as 'enij*

'Athkah becol tzorraj

Опустилось отъ скорби лице мое,

Постарѣло отъ разныхъ огорченій моихъ.

Здѣсь буква *аинъ* (обозначаемая нами густымъ предыханіемъ) повторяется въ каждомъ словѣ первой строки и только въ первомъ второй строки. — Иногда на оборотъ аллитерирующая соглас-

ная можетъ чаще повторяться во второй строкѣ чѣмъ въ первой.

Пс. 25, 18. *Tzaroth lebabij hirschibu*

Mitzukothaj kotzi'eni

Страданія глубоко проникли въ сердце мое,

Изъ тѣсноты моей выведи меня.

Иногда каждая начальная коренная первой строки повторяется въ такомъ же порядкѣ во второй.

Быт. 49, 21. *Natthali 'ajalah scheluchah*

Naannothen 'imrej schafer.

Нефѣалимъ дубъ стройный,

Дающій прекрасныя вѣтви.

Даже длинный стихъ, состоящій изъ нѣсколькихъ строкъ, связывается не рѣдко такимъ же образомъ. При этомъ аллитерующія буквы первыхъ строкъ могутъ принимать къ себѣ новыя созвучія въ дальнѣйшихъ строкахъ, образуя формулы: *aab*, *bcc*, *edd* и т. д. Напримѣръ:

Суд. 3, 4. *Iehovah betze'thecha misse'ir,*

Betzae'decha misedeh 'edom

'Eretz ra'ascha gaw schamaim nathafu

Gam 'abim nathafu maim.

Иегова! Когда Ты выходилъ изъ Сина,

Когда Ты шелъ съ поля Едомскаго,

Земля тряслась и небо дождило

И облака лили воду.

Наконецъ аллитерація можетъ правильно связывать между собою строки всей пѣсни посредствомъ правильного повторенія буквъ по порядку алфавита, какъ въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ связываются стихиры или хвалитныя пѣсни (слав. краегранесіе).

Это такъ называемое алфавитное расположеніе пѣсни. Противъ презрительнаго выраженія Карьера объ этой формѣ аллитераціи (Искусство.... 86 стр.) нужно замѣтить, что она вышла какъ выражался блаж. Августинъ, изъ самыхъ нѣдръ языка. Если въ маломъ объемѣ словъ повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ дало первую прекрасную поэтическую форму, если аллитерація своими созвучіями связала далѣе отдѣльные строки въ строфахъ; то отсюда оставался только одинъ шагъ до того, чтобы найти норму для связи аллитераціею всей пѣсни въ полномъ ея составѣ. Такимъ образомъ всѣ возраженія противъ искусственности и натуральности формы алфавитныхъ пѣсней падаютъ сами собою. Хотя въ первоначальныхъ отдѣльныхъ проявленіяхъ аллитераціи мы не видимъ распорядка, напоминающаго алфавитное сложеніе, но это зависѣло отъ того, что самый алфавитъ еще не установился прочно. Между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ алфавитъ предносился предъ писателемъ всегда въ тождественномъ порядкѣ, писатель, въ своемъ поэтическомъ подборѣ звуковъ, не могъ отрѣшиться отъ этого извѣстнаго уже порядка, пока наконецъ алфавитъ сдѣлался твердымъ подспорьемъ стихотворцевъ. Мы даже думаемъ, что на установленіе и окристаллизированіе самаго алфавита имѣло вліяніе первоначальное стремленіе языка къ аллитераціи, потому что на примѣръ буквы *ламедъ*, *мемъ*, *нуиъ* стоять рядомъ очевидно по подбору звуковъ одного органа. Здѣсь повторилась въ точности исторія развитія метра. У тѣхъ народовъ, которые, до обладенія алфавитными знаками, благодаря своей особенной словоспособности, подмѣтили внутреннюю мѣру членораздѣльныхъ звуковъ и достигли значительнаго развитія прекрасной музыкальной стопы, завершеніе этой стопы и полную правильность размѣру могъ дать всегда только алфавитъ въ его различеніи согласныхъ и гласныхъ и между послѣдними долгихъ и короткихъ, научнымъ образомъ. Не будь вполне установившагося алфавита не было бы ни индійской слоки, ни арабскаго байтъ, ни греческаго гексаметра, точно

также какъ не было бы и алфавитнаго библейскаго сложенія. И какъ метръ въ его тончайшемъ различеніи гласныхъ и ихъ постановки по различію грамматической длины и краткости, такъ и алфавитная аллитерація въ ея подчиненіи алфавиту, не могутъ назваться произведеніемъ школьнаго искусства. Школьнымъ справедливо можно назвать алфавитное стихосложеніе только тамъ, гдѣ оно не основывается на самомъ стремленіи языка и его геніѣ, а заимствовано совнѣ, напримѣръ алфавитное стихосложеніе въ новогреческомъ языкѣ, не имѣющее почвы въ языкѣ классическомъ. Опредѣленіе же всякаго алфавитнаго стихосложенія, въ какомъ бы языкѣ оно не встрѣчалось, именемъ школьничества (какъ дѣлаютъ многіе критики въ опредѣленіи алфавитнаго стихосложенія библейскаго) опускаетъ изъ виду какъ лежащій въ основѣ многихъ языковъ духъ аллитераціи, такъ и начало порядка въ распредѣленіи звуковъ, который признаетъ не одна только школа. Вотъ что говоритъ Гумбольдтъ: «чистое и полное произношеніе звуковъ, отдѣленіе каждаго изъ нихъ отъ другихъ, тщательное вниманіе къ ихъ взаимнымъ соотношеніямъ, послѣдовательности и порядку, слѣдованіе за ними ихъ естественнымъ путемъ—вотъ начала, безъ которыхъ не бываетъ поэтическое сложеніе рѣчи».—Алфавитное стихосложеніе Библии заключается въ Ис. 25. 34. 119. 143, въ первыхъ четырехъ главахъ книги Плачъ и въ Пр. 31, 10—31. Приглашаемъ читателя обратить вниманіе на пѣсни алфавитнаго сложенія, потому что именно онѣ своими наглядными формами могутъ дать рѣшительное и непоколебимое убѣжденіе въ дѣйствительности аллитераціи, какъ особеннаго рима въ Библии для тѣхъ, кто не захочетъ слѣдить по всѣмъ поэтическимъ книгамъ Ветхаго Завѣта для подтвержденія ея существованія. Если, какъ мы сейчасъ усиливались доказать, алфавитное стихосложеніе оправдывается разбросанными по всей Библии формами аллитераціи, то послѣдняя въ свою очередь высшее свое оправданіе находитъ именно въ этомъ алфавитномъ стихосложеніи. Считаемо

лишнимъ приводить примѣры алфавитнаго еврейскаго стихосложенія, такъ какъ его легко могутъ замѣтить въ текстѣ даже лица, незнающія ветхозавѣтнаго языка, напримѣръ въ псалмѣ 119-мъ.

В. Особенный видъ аллитераціи представляетъ созвучіе въ окончаніяхъ поэтическихъ строкъ, называемое обыкновенно риемомъ въ строгомъ смыслѣ. Передавая исторію изученія библейскаго метра, мы не упоминали о риемѣ, потому что, занятые изученіемъ внутренняго движенія стиха или метра, изслѣдователи какъ Штейхъ, Петрей, Клерикъ, Карпзовъ, Ловтъ упоминали о риемѣ только мимоходомъ и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что въ Библии встрѣчаются по мѣстамъ стихи *בְּרִימֹת לֵבָבוֹת* (Карпзовъ. *Introductio ad librum V. T. p. 18*), по риему, проведеннаго чрезъ всю пѣснь, пѣтъ. Только Клерикъ (*Pentateuchus. Genes. 4. 24*), Мейеръ (*die Form der hebr. Poesie, p. 49* и дал.) и Лей настаиваютъ болѣе другихъ на преобладаніи риема въ библейскихъ пѣсняхъ, а де-Ветте болѣе другихъ отвергаетъ риемъ, какъ метрическую форму псалмовъ. Но изъ того, что мы знаемъ уже объ аллитераціи, можно заключить, что ветхозавѣтные поэты не могли не обратить вниманія на предлагаемый самымъ языкомъ средства къ употребленію созвучныхъ окончаній строкъ. Самъ де-Ветте замѣчаетъ, что въ еврейскомъ языкѣ такъ много суффиксовъ одного звука, что они сами собою риемуютъ рѣчь безъ желанія пѣвца. Затрудненіе же, какое встрѣчаетъ изслѣдователь, при опредѣленіи древне-еврейскаго риема, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ библейской пѣснѣ трудно отдѣлять поэтическія строки въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣдовательно изливаются изъ устъ пѣвцовъ и какъ ихъ пишутъ обыкновенно въ нашихъ поэзіяхъ, потому что древній шрифтъ не различалъ стиховъ отъ прозы. Большинство толкователей, считая параллелизмъ единственною формою библейскаго метра, раздѣляютъ строки по предложеніямъ, такъ что поэтическая строка выходитъ довольно длиною съ четырьмя, пятью словами. Выходи изъ такого раз-

дѣленія строкъ, можно, по Леоу, различать слѣдующіе виды библейскаго рима.

1. Римъ въ окончаніяхъ первыхъ словъ "отдѣльныхъ" строкъ. Напримѣръ:

Быт. 49, 6. *Besodam 'al thabo' nafschi,*
Bikhalam 'al thechad k'vodij,
Ci--beapham hargu 'isch,
Ubirtzonam 'ikru schir.

Въ совѣтъ ихъ не войдетъ душа моя,
Къ собранію ихъ не пріобщится слава моя,
Потому что въ гнѣвъ они убиваютъ людей
И по прихоти перерѣзаютъ жилы воловъ.

Ср. Быт. 49, 7. 23. Исх. 15, 16. Числ. 24, 3. 6. 17. Втор. 32, 10. 21. Ис. 17, 2. 21, 2. 7. 27, 5. 144, 12. 13. 14 и многія другія мѣста.

2. Римъ въ послѣднихъ словахъ различныхъ строкъ:

Быт. 49, 8. *Iehudah, 'athah jodusa 'ashejka,*
Iadeka be'oref 'oibejka.
Иуда! тебя восхвалять братья твои,
Рука твоя на синахъ враговъ твоихъ.

Ис. 8, 6. *Maḥ 'enosch ci thizkerenu*
Uben 'adam ci thifkedenu.

Что человѣкъ, что Ты помнишь о немъ,
И сынъ человѣческій, что посѣщаешь его?

Ср. Быт. 49, 25. Числ. 23, 9. 24, 21. Втор. 32, 6 и мн. др.

3. Римъ, образуемый среднимъ словомъ одной строки съ среднимъ же словомъ другой строки:

Быт. 49, 12. *Chacilili 'enàim mijain,*
Ulben schinàim mechalab.
Красны глаза отъ вина,
И бѣлы зубы отъ молока.

Втор. 32, 7. *Zecor jemoth 'olam,*
Binu schenoth dor-vador.
Вспомни дни древніе,
Помысли о годахъ прежнихъ родовъ.

— — 33. *Chamath theninim jenam,*
Uerosch phethanim 'aezar.
Вино ихъ ядъ драконовъ
И жестокая отравъ аспидовъ.

4. Риѣмъ, образуемый первымъ словомъ первой строки съ послѣднимъ словомъ второй строки, или наоборотъ.

Втор. 33, 22 *Dan gur 'arjeh*
Iezannek min habbaschan.
Данъ молодой левъ,
Выскакиваетъ изъ Вассана.

Пс. 18, 17. *Iischlach mimmarom jikkacheni*
Iamscheni mimmaim gabim
Онъ послалъ съ высоты и взялъ меня,
Извлекъ меня изъ водъ глубокихъ.

Ср. Пс. 8, 6, 18, 6. 22, 9 и мн. др.

5. Риѣмъ образуемый окончаніями первыхъ, среднихъ и послѣднихъ словъ одной и той же строки.

Втор. 32, 15. *Gchamantha, abitha, casita*
Ты отучи́лъ, растолстѣлъ, ожирѣлъ.

Такое раздѣленіе видовъ риема, принятое Леемъ, намъ кажется не натуральнымъ, потому что всякій риемъ непременно требуетъ для себя особеннаго ударенія въ произношеніи, вслѣдствіе чего послѣ всякаго риема должна чувствоваться пауза. Такимъ образомъ, если не на письмѣ, то въ чтеніи, древніе пѣвцы необходимо должны были послѣ каждой риемы видѣть новую строку, какъ бы ни малы выходили подобныя дѣленія. Никто не докажетъ, что вопреки этому поэты ветхозавѣтные съ намѣреніемъ могли искать риемовъ въ началѣ или въ срединѣ строки, потому что это было бы чрезвычайное искусство, неизвѣстное никакой другой поэзіи. Слѣдовательно ихъ созвучія выходили случайно, въ общей зависимости отъ требованій риема и метра. Такимъ образомъ, указываемые виды срединнаго риема будутъ указывать начало и средину мысли, а не риема древнихъ пѣвцовъ, который очевидно не *совпадалъ съ мыслию*, а своеобразно пресѣкалъ ее не только въ концѣ ея, но и въ срединѣ, и даже при самомъ началѣ; конецъ, середина и начало мысли для риема имѣютъ совершенно одинаковое значеніе и даже вовсе не существуютъ какъ такіе, потому что голосъ человѣческій знаетъ только одно произношеніе для всякаго риема. Въ этомъ существенное отличіе риема отъ обыкновенной аллитераціи. Замкнутая на пространствѣ коренныхъ буквъ въ срединѣ слова, аллитерація даетъ рассыпающіеся звуки и служитъ тѣмъ же, чѣмъ въ музыкѣ служатъ однообразные, никогда не выступающіе надъ массою звуковъ, тоны октавъ, или на востокъ звуки бубенъ и барабановъ. Между тѣмъ риемъ, стоящій на концѣ словъ, и даже не каждаго отдѣльнаго слова, а послѣ нѣсколькихъ словъ извѣстнаго порядка, именно имѣетъ всегда опредѣленное назначеніе выдвинуть извѣстные звуки выше массы рядовыхъ звуковъ, такъ какъ, по своему положенію въ концѣ слова, онъ совпадаетъ еще, почти всегда, съ удареніемъ слова. И такъ въ библейской поэзіи мы признаемъ только одинъ родъ риема, т. е. тотъ самый риемъ, который

*

существовать и въ нашихъ поэзіяхъ. Но, такъ какъ для этого потребуется тѣ предложенія, въ срединѣ которыхъ видятъ рѣзъ, дѣлится на двѣ, а иногда и на три части; то отсюда получатся короткія строки въ три, два и даже одно слово, какъ это часто встрѣчается и у нашихъ народныхъ поетовъ, наиримѣръ у Кольцова. Подобное раздѣленіе, ничего не отнимая отъ мысли, которая идетъ здѣсь своимъ путемъ независимаго развитія, сообщаетъ большую выразительность библейской поэзіи и не закрываетъ ей простоты, этого высшаго достоинства ея, подпирасемаго поборниками параллелизма и разныхъ срединныхъ рѣзовъ.

Іов. 16, 12. *Schalev hajithi*
Vajefarpheréni
Veachaz beorphi
Vajefatzphetzéni
Vajekiméni
Lo Iemattara.

Покоешь быть я,
Но Онъ сокрушилъ меня;
Взялъ за синую меня
И избилъ меня.
Онъ поставилъ меня
Мишенью себѣ.

Ис. 33, 22. *Iehovah schoftenu*
Iehovah mechokkenu
Iehovah malkenu
Hu joschi'enu

Іегова Судья нашъ.
Іегова законодатель нашъ,
Іегова царь нашъ,
Онъ Спаситель нашъ.

Ис 7, 1-- Iehovah elohài
Beka chasithi
Hoschi'èni
Mikkol rode/ài
Vehatzzilèni
Pan jitrof
Cearje nafschi,
Porek veen matztzil.
Iehovah elohài
Im zoth 'asithi
Im jesch 'avel becapphaì
Iirdof 'ojeb nafschi
Vejasseg vejirmos
La'arez chajjài
U—cebodi
Le'afar jaschcen.
Kuma Iehovah
Be'aphpheca
Himnasè'
Be'abroth tzorerài.
Ve'urah 'elài
Mischphat tzivvita
Va'adath leummim
Thesobebeca.

Иерова, о Богъ мой!
На Тебя я надѣюсь,
Отъ тирановъ моихъ
Ты избави меня,
И спаси Ты меня,
Чтобы онъ не исторгъ,
Какъ левъ, душу мою.
Истерзать безпомощную.

Иегова о Богъ мой!
Если сдѣлаю такъ,
Если будетъ порокъ
На устахъ у меня,
Пусть преслѣдуетъ врагъ
И настигнетъ меня,
О—земь бросить меня
И мой скипетръ во прахъ.
О возстань. Иегова,
Ты во главѣ Своемъ,
Противъ буйства возстань
Ты тирановъ моихъ.
Поднимись за меня,
Чтобы судъ произвестъ.
Чтобы сонмы племень
Окружили Тебя....

Авва. 3. *Iehovah schama'thi*
Schim'aca jare'thi
Iehovah po'olca
Bekereb schanim
Chajjehù!..
Bekereb schanim
Thodia'!. beroges
Rachem thizecor.
Eloah miththemàn
Iabo', vekadosch
Mehar Paràn.
Cissa schamàim
Hodò!..
U thehilathò
Malea haaretz
Venogah ca'òr

Thiie, karnàim
Mijado lò
Vescham chebjon usso.
Lefanàv
Ielec dáber
Vejetze réschef
Leraglav.

.

Ha—*bineharim*
Chara Iehovah
Im *banneharim*
Afféca,
Im bajjam 'ebrathéca
Ci-thircab 'al *suseca*
Marcebotheca
Ieschu'ah?... 'Erja theor
Kaschetheca... и пр.

Иегова! Принимаю
Твою вѣсть я со страхомъ.
Иегова! Твое дѣло
Ты изъ нѣдра годовъ
Приведи его въ жизнь.
И изъ нѣдра годовъ
Возвѣсти. А въ день гнѣва
О милости вспомни.
Богъ отъ юга
Придетъ и Святой
Отъ горы Паранъ.

Небеса покрыло
Величье Его,
И хвала Его
Исполнила землю.

Сіянье какъ солнца
Выходить, и блескъ
Изъ подъ рукъ у Него.
Тамъ хранилище силы Его.
Предъ лицомъ Его
Выступаетъ моръ,
И слѣдуетъ смерть
По слѣдамъ за Нимъ.

Развѣ на рѣки
Разсерженъ Іегова?
Развѣ на воды Твой гнѣвъ?
И ярость развѣ на море?
Развѣ возсядешь
На коней Своихъ,
На колесницы Свои
Нобѣдныя?
Развѣ луки Свои
Обнажишь...

Такимъ образомъ свободные въ выраженіи своихъ звуковъ священныя пѣвцы употребляютъ римъ очень свободно такъ, что съ одной стороны стихи нельзя назвать бѣлыми, съ другой изъ рима не дѣлается строгой нормы для заключенія стиха. За то, иногда разъ принятый римъ проводится поэтотъ чрезъ всю пѣсню, не ограничиваясь какими либо опредѣленными разстояніями отъ соотвѣтствующихъ ему звуковъ. напр., въ приведенныхъ примѣрахъ римы: *enî, an, eca*. Бываютъ случаи, что поэтъ, ради созвучнаго рима, рѣшается даже измѣнить обыкновенное принятое грамматическое окончаніе, напримѣръ:

Ис. 7, 11. Sche'al lēca 'oth
Me'im Iehovah Eloheca:
Ha'amek sche'alah,
O hagbheah lemala.

Проси себѣ знака
Отъ Іеговы Бога;
Во адъ низойди,
На небо возвыся.

Здѣсь форма *sche'alah* для созвучія съ *lemala* стоитъ вмѣсто *sche'ola*, въ преисподнюю. Такую же поэтическую вольность встрѣчаемъ Пѣсн. Пѣсн. 3, 11.

Tze'ena
Ur'e'ena
Benoth Tzijon
Bamelec Schlomò
Ba'atarà
Sche'itterà
Lo immò
Bejom chathunnathò
U—bejom
Simchath libbò.

Идите, смотрите,
Сіонскія жены
Какъ царь Соломонъ
Увѣщанъ вѣнкомъ
Своей матерью,
Въ день женитьбы своей,
Въ день веселія
Сердца его...

Форма *tze'ena* стоитъ здѣсь для созвучія съ слѣдующимъ словомъ вмѣсто обыкновеннаго *tzena* (ср. Евальд. Lehrbuch der hebr. Spr. § 198). Такимъ же образомъ въ Ис. 32, 1, стоитъ свободно *nesuj* (вмѣсто *nesu'*) для созвучія съ *cesuj*; или *moba'* (для созвучія съ *motza'*) вмѣсто *niabo'* въ Іезек. 43, 11:

Umotza'av
Umoba'av

Ve col tzurothàv
 Ve'eth col chikkothàv
 Vecol tzurothàv
 Vecol thorotàv....

Иногда риемическая строка, не совпадая съ мыслию, может обнимать собою послѣднія слова одного предложенія и начальныя другого, какъ напримѣръ въ приведенномъ нами примѣрѣ молитвы пророка Аввакума:

Ci thircab 'al *suseca*
Marcebotheca
 Ieschu'ah?... 'Erja theor
Kaschtheca и проч.

Напрасно нѣкоторые (Евзальдъ) вооружаются противъ возможности и естественности подобнаго раздѣленія библейскихъ строкъ съ перерывами продолженій. Оно встрѣчается очень часто во всякой поэзіи, и притомъ именно у поэтовъ, отличающихся простотою и естественностію. Кому неизвѣстно, что подобными риемическими строками богата поэзіи Пушкина! Вотъ напр. его стихъ (Опѣг. гл. 7, XV):

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
 Ужь расходились хородовы.
 Ужь за рѣкой дымись пылалъ
 Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ....

Подобно аллитерациі, риемъ древнееврейскій до священной поэзіи существовалъ въ народномъ языкѣ, какъ это видно изъ многихъ народныхъ выраженій и пословицъ, приведенныхъ въ Библии. Такъ напримѣръ риемовано извѣстное присловіе Ламеха къ женамъ своимъ (Быт. 4, 23):

'Adah vetzillah
 Schema'an *koliḵ*

Neschej Lamec
Ha'azenah 'imrathij:
Ci—'isch hargethi
Lephitzi ij
Vejeled *lechabberathij*.

Ада и Целла,
Слушайте гласъ мой;
Жены Ламеха,
Рѣчи внимлите,
Разомъ убью я
Мужа хулителя
И дитя супротивное.

Самсонъ говоритъ Филистимлянамъ, разгадавшимъ его загадку, при пособіи его жены, новою загадкою (Суд. 14, 18):

Lule' charaschthem
Be-eglathij,
Lo metz'athem
Chiddathij.

Не орите вы
На телицѣ моей,
Не отгадать бы вамъ
Загадки моей.

Или вотъ побѣдная пѣсня еврейскихъ женщинъ Давиду:

1 Цар. 18, 7. Hicca Schaul ba'alafav
Vedavid beribboihav.
Побѣдилъ Саулъ тысячи,
А Давидъ тьмы.

Здѣсь суффиксы на концѣ строкъ совершенно излишни и могутъ быть объяснены только потребностію усилить рѣзкость.

Въ соотвѣстіе съ этимъ, древнѣйшая формула благословенія народа построена римически:

Iebarecaca Iehovah
Vejischmereca!
Ia'er Iehovah phanav 'eleca
Vihunneca!
Jissa Iehovah
Phanav 'eleca
Vejasem leca
Schalom...

Іегова благословить *тебя*
И сохранить *тебя!*
Освѣтить взоромъ Своимъ *тебя*
И помилуетъ *тебя!*
Обратить Іегова
Свой взоръ на *тебя*
И одарить *тебя*
Миромъ....

Разсматривая всѣ приведенные примѣры, мы можемъ отличать въ библейской поэзіи три рода рима. 1) Римъ *открытый*, состоящій въ томъ, что одинаковыя согласныя, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за равными гласными, предшествуютъ имъ. Мы называемъ этотъ родъ рима открытымъ, потому что въ грамматикахъ вообще такого рода слоги называются открытыми. Такіе римы въ особенности свойственны древнееврейской поэзіи и языку. Въ нашей, какъ и въ древнеиѣмецкой поэзіи такой римъ встрѣчается рѣдко: чаще останавливаются на немъ только нѣкоторые отдѣльные поэты, напр. Лермонтовъ. Противъ этого рима возмущаетъ де-Вегте на томъ основаніи, что въ большинствѣ случаевъ сюда принадлежатъ окончанія въ суффиксахъ. Но мы не видимъ причины, почему суффиксы должны составлять исключе-

ние, когда говорится о риѣмѣ. Если потому что они представляють въ рѣчи весьма необходимыя и часто повторяющіяся окончанія, то подобныхъ окончаній весьма много во всѣхъ языкахъ; каждый языкъ имѣеть свои особенные любимѣйшія риѣмическія окончанія, между тѣмъ никакая просодія не станеть предостерегать, что тѣ или другія риѣмическія окончанія не должны считаться риѣмами, тѣмъ болѣе окончанія столь частыя и звонкія. И такъ открытые древнееврейскіе суффиксы по преимуществу должны считаться риѣмами. 2) Риѣмъ *закрытый*, представляемый слогами изъ двухъ согласныхъ съ однозвучною гласною; приѣтомъ послѣднія согласныя могутъ иногда нѣсколько различаться, напр. могутъ риѣмоваться *tal* и *marar*, *rov* и *thirosch*; такимъ образомъ риѣмъ скрывается внутрь слова и смѣшивается съ аллитераціею. И этотъ риѣмъ не представляетъ собою аномаліи; въ нашей народной и не народной поэзіи также встрѣчаются не строгіе риѣмы въ родѣ: человекъ и завѣтъ, стать и садъ и т. под. 3) *Ассонансъ*, образующійся сходствомъ и совпаденіями однихъ гласныхъ безъ созвучія согласныхъ. Въ богатыхъ гласными языкахъ романскихъ, особенно въ испанскомъ, ассонансъ выступаетъ какъ самый употребительный родъ риѣма. Но въ языкѣ еврейскомъ, при второстепенномъ значеніи гласныхъ, ассонансъ встрѣчается рѣдко; его можно отличать только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одна и таже гласная стоитъ на концѣ нѣсколькихъ словъ, слѣдующихъ одно за другимъ. Напр.

Быт. 49, 17. *Vajaphòl roebò*

Achòr.

И палецъ всадникъ его

Навзничь.

Исх. 14, 4. *Marceboth Plar'ò*

Yechelò.

Колесницы Фараона

И войско его.

Нав. 10, 12. Schemesch begib'on dôm
Veja'rech be'emek 'Ajalôn
Солнце стань надъ Гаваономъ
И луна надъ долиною Айялона.

С. Изъ повторенія отдѣльныхъ слоговъ въ аллитераціи выступаетъ далѣе *повтореніе словъ*. Мы видѣли, что риемическая форма, состоящая въ повтореніи словъ, есть и въ нашей древней поэзіи, гдѣ повтореніе часто бываетъ чрезмѣрное и поражающее слухъ своею монотонностію, такъ что въ употребленіи этой формы видать упадокъ поэтической аллитераціи. Излишнее употребленіе ея указываетъ огрубѣніе поэтического слуха, не удовлетворяющагося легкимъ первоначальнымъ созвучіемъ отдѣльныхъ согласныхъ, и допускается только въ случаѣ отлива звуковъ для восполненія недостающихъ слоговъ, какъ въ слѣдующемъ четырехстишіи:

*Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ.*

Въ еврейской поэзіи повтореніе словъ, какъ риемическая форма, является очень рано вмѣстѣ съ аллитераціею, которую оно и переживаетъ, не достигая такого крайняго употребленія, въ какое перешла древнеиѣмецкая и русская аллитерація. Притомъ разнообразіе формъ, въ которыхъ является здѣсь это повтореніе предотвращало скучную монотонность рѣчи. Повтореніе словъ въ древнееврейской поэзіи нужно отличать двоякое: α) полное повтореніе одного и того же слова, такъ что при этомъ соединяются аллитерація и риемъ; β) повтореніе одного и того же слова съ различною вокализациею, при чемъ риемическое соединеніе образуется только равенствомъ согласныхъ корней.

1. Полное повтореніе словъ. Напримѣръ:

Быт. 49, 3. *Iether se'eth ve'ieter 'az*

Верхъ величія и *верхъ* могущества

Числ. 24, 24. *Ve'innu Assur ve'innu 'Eber*

И смирятъ Асара и *смирятъ* Евера.

Полное повтореніе словъ можетъ начинать собою нѣсколько рядомъ стоящихъ строкъ, образуя ораторское анафорога. Напримѣръ:

Ис. 68, 16. *Har Elohim*

Har Basan;

Har ghabnunim

Har Basan.

Гора высокая

Гора Васанская;

Гора холмистая

Гора Васанская.

Быт. 49, 25. *Birkoth haschschamaim me'al,*

Birkoth thehom thachath,

Birkoth schadaim varacham.

Благословеніе неба свыше,

Благословеніе бездны долу,

Благословеніе матернихъ персей и лона.

Но гораздо чаще такое повтореніе бываетъ свободно разбросано въ стихѣ, какъ мы видѣли это въ аллитераціи.

Ис. 9, 10. *Vajehi Iehovah*

Misgab ladac,

Misgab le'ithoth batzara.

И былъ Іегова

Скалой для пораженнаго,

Скалой во время напасти.

Ис. 24, 18. 19. 20. Дрожитъ въ основеніяхъ *земля* ('aretz)
 Гибнетъ *земля* (ha'aretz)
 Распадается *земля* ('aretz)
 Колеблется *земля* ('eretz)
 Шатается *земля* (eretz) какъ пьяный,
 Качается, какъ колыбель....

Иезек. 8, 2. 6. Землѣ израильской *конецъ* (ketz)
Наступаетъ (ba') *конецъ* (hakketz)
 На четыре страны земли.....
Конецъ (ketz) *наступаетъ* (ba')
Наступаетъ (ba') *конецъ* (hakketz)
Конецъ (hekitz) на тебя
 Вотъ онъ *наступаетъ* (ba'h).

Ср. Амос. гл. 8, 1 и 2 стихи.

2. Что касается повторенія словъ съ переменною вокализациею, то мы говорили уже объ этомъ, при разсмотрѣніи общаго стремленія древнееврейскаго языка соединить слова одного и того же корня. Это соединеніе корней въ различныхъ видахъ ихъ само по себѣ могло дать богатые средства еврейской речѣ. Въ самомъ дѣлѣ поэзія древнееврейская весьма часто пользуется этимъ родомъ соединенія словъ и притомъ съ такимъ тонкимъ разнообразіемъ, что повидимому неизбѣжная въ такихъ случаяхъ монотонность и однозвучіе рѣчи, нигдѣ не чувствительными. Оставляя менѣе употребительныя формы соединенія словъ одного корня въ еврейской поэзіи, мы должны здѣсь указать четыре главныхъ вида.

1. Соединеніе однихъ и тѣхъ же существительныхъ съ различною вокализациею. Напримѣръ:

Второз. 32, 31 *Ci lo cūzurenū tzuram*

Не по нашему защитнику защитникъ ихъ.

— — 32. *Anabemo 'inbej rosch*

Игоды ихъ—ягода ядовитая.

Такое соединеніе словъ встрѣчается и у насъ только въ болѣе простыхъ формахъ, наприм. въ слѣд. стихѣ Хомякова:

Къ жизни духа, къ духу жизни
Потекутъ они толпой.

Или изъ былины: Не туча съ тучей соходилася,
Не заря со зарей сомывалася.

2. Соединеніе глагола съ именемъ того же корня. Напр.

Числ. 24, 16. *Vajadea da'ath elijon*
Machazah Schaddaj jechezeh.
Онъ мыслитъ мысли Вышняго,
Онъ видитъ видѣніе Всемогущаго.

Ис. 22, 18. *Tzanof itzenafesa tzenefa*
Онъ свернулъ тебя сверткомъ.

Напрасно эту поэтическую форму Ловetzъ выводилъ изъ бѣдности языка. Такія соединенія и у насъ встрѣчаются не рѣдко въ народныхъ пѣсняхъ, напр. въ стихахъ:

Плачемъ плачутъ всѣ не унимаются.
или: Тамъ сизой оредь *зоветъ зовомъ*,
Зоветъ ниръ нировать, мертвецовъ убирать.

Даже высоко культивированные современные поэты въ поэтическихъ интересахъ прибѣгаютъ къ подобнымъ соединеніямъ, не смотря на противодѣйствіе имъ со стороны языка, вотъ напр. стихъ Гёте:

Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn der reichlich lohnt.
или: Wenn ich *still* die Augen lenke,
Auf die abendliche *Sille*,
Und nur denke, dass ich denke,
Will nicht ruhen mir der *Wille*
Bis ich sie in *Ruhe* sänke. (Тихъ).

3. Соединеніе неопредѣленнаго наклоненія съ опредѣленнымъ.
Напримѣръ:

Исх. 15, 1. *Aschirah lajhovah*
Ci gaoh gaah.

Пойте Иеговѣ,
Ибо возвышаясь Онъ вознесся

Пс. 40, 2. *Kivvo kivvithi jehovah.*
Ожидая я ожидалъ Иегову.

Исх. 24, 3. *Hibbok thibbok ha'aretz.*
Разоряясь разорена земля.

Нѣчто подобное представляетъ наша народная поэзія; только вмѣсто неокончательнаго у насъ дважды повторяется изъяснительное, какъ въ выраженіи былины: «*что съ тобой случилось, приключилось*»? или Пушкина: «*зимы ждала ждала природа*».

4. Соединеніе глаголовъ, причастій и существительныхъ въ антипезѣ. Напримѣръ:

Числ. 23, 8. *Ma 'ekko lo kabo 'el,*
Ma 'e'om lo za'am Iehovah.
Какъ прокляпу, когда Богъ не проклинаятъ,
Какъ изреку зло, когда Иегова не изрекаеть?

Пс. 18, 26. *'Im chasid thithchassad*
'Im thamim thiththamam
'Im nabar thithbarar.

Съ святымъ Ты поступаешь свято,
Съ вѣрнымъ вѣрно,
Съ чистымъ чисто.

Д. Последнія указанная нами риторическія формы обращаются наконецъ въ поэтическія фигуры, которыя, при своихъ сильныхъ формахъ созвучія, ласкающихъ ухо, имѣютъ еще особенный элементъ внутренний, увлекающій мысль. Сюда принадлежатъ: парономазія или анноминація и игра словъ. *Анноминаціи* состоитъ въ томъ, что при повтореніи словъ имѣется въ виду не

музыка и рѣмъ созвучій, а особенное удареніе на словѣ, чтобы выдвинуть его предъ другими, или чтобы поставить его въ противоположность съ самимъ собою. «Парономазія евреевъ, говоритъ Гердеръ, имѣетъ не то второстепенное и случайное значеніе, какое имѣетъ употребленіе игры словъ въ нашихъ языкахъ. Еврейская поэзія имѣетъ совершенно другой строй. Она не владѣетъ рѣимомъ (?); но любитъ аллитерацію, на которую обращаетъ ее параллелизмъ. Но, спрашивается, что духовнѣе, выше и разумнѣе? Рѣимъ ли, представляющій игру одного звука, или же сходство въ мысли, совпадающее съ сходствомъ буквы, гдѣ слово, какъ говоритъ Поппе, становится echo the sense? Это послѣднее есть библейская парономазія. Прекрасное явленіе, когда и въ нашихъ поговоркахъ, противоположенійхъ, сравненійхъ, сходство или различіе понятій выражается въ сходныхъ звукахъ! Даже въ философіи такого рода счастливыя выраженія имѣютъ огромное значеніе; однимъ словомъ они могутъ возбудить въ душѣ замѣчательныя аналогіи и различія. Но у народа древнѣйшаго въ мірѣ, для котораго языкъ сосредоточивается въ устахъ и ухѣ, а не въ хартіи и буквахъ, подобныя выраженія, какъ цементъ скрѣпляющій память, и полезны и весьма необходимы. Точно также и у всѣхъ народовъ, неимѣющихъ никакихъ книгъ, или вообще мало успѣвшихъ въ литературѣ, замѣтна общая склонность къ анноминаціи и игрѣ словъ, доходящая до такой значительной степени, которой нельзя и понять съ точки зрѣнія нашей культуры. Да и глупо и смѣшно было бы судить о вкусѣ древнечеловѣческаго языка по нашему»... (Geist der hebr. Poesie 273 и дал.).

Нужно отличать два рода анноминаціи. 1. Анноминацію, имѣющую въ виду выдвинуть извѣстное понятіе. Этотъ родъ анноминаціи можно смѣшивать съ обыкновеннымъ поэтическимъ повтореніемъ словъ:

Ис. 24, 16. *Bagdim bagdu; ubeged bogdim bagdu.*

*

Ис. 29, 14. Вотъ Я сдѣлаю *чудо* съ народомъ симъ,
Чудо чудное.

2. Анноминація, при которой выставляются на видъ противоположности въ выраженіи понятія.

Ис. 33, 1. *Грабитель!* развѣ тебя ужъ не *обрабятъ*?
Хищникъ! развѣ уже не *расхитятъ* тебя?

Ис. 30, 16. Вы говорили: «мы *убьжемъ* на коняхъ»;
Теперь *убытайте.*

«На *лежкихъ быгунахъ* умчимся»;
Но *леко быгутъ* и преслѣдующіе васъ.

Ис. 27, 7. *Нассетассатъ тассехи хиссахъ?*

Im sehereg harugav horag?

Развѣ *тиранствомъ тирановъ* онъ будетъ
тиранить его,

Или *убьетъ убійствомъ убійцу* его?

Игра словъ основывается на томъ, что соединяются между собою слова, сходныя по звуку, но различныя по значенію; сущность акумена заключается здѣсь въ этомъ именно противорѣчьи между звукомъ и значеніемъ. Игра словъ встрѣчается во всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ, и есть слѣдствіе живости и воспріимчивости народнаго духа, но въ особенности живую игру словъ отличаются народы семитическіе. Въ древнееврейской поэзіи игра словъ могла выйти непосредственно изъ аллитераціи. Это предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что игра словъ встрѣчается въ тѣхъ священныхъ книгахъ, гдѣ преобладаетъ аллитерація. Весьма возможно, что игра словъ иногда могла являться здѣсь непреднамеренно и только впоследствии была усмотрѣна въ сильной аллитераціи.

Въ игрѣ словъ древнееврейскаго языка Гезеніусъ (Lehrgeb. der hebr. Sprache § 237 и 238) различаетъ два рода:

1. Слова могутъ быть одиѣ и тѣже, и только различное значеніе ихъ въ предложеніи указываетъ въ данномъ мѣстѣ именно игру словъ. Вотъ примѣры, указанные Гезеніусомъ:

Суд. 10, 4. Онъ имѣлъ тридцать сыновъ, которые ѣздили на тридцати ослахъ и владѣли тридцатью городами.

Игра словъ здѣсь состоитъ въ томъ, что для выражений *ослахъ* и *городами* подобрано одно и тоже слово 'ajagim.

Суд. 15, 16. Самисонъ рассказываетъ о побѣдѣ своей, одержанной необыкновеннымъ оружіемъ, игрою словъ: «челюстію *осминою* и избилъ *толпу*».

Здѣсь *шамог* значить и *осель* и *толпа*.

Екк. 7, 6. Смѣхъ глупаго, какъ трескъ горящаго *тростника* (sir) подь *котломъ* (sir). У Кнобеля переводится: Nessel, Kessel.

Ис. 36, 10. По *благодати* Твоей ('og) мы увидимъ *спасеніе* ('og).

Этотъ родъ игры такъ простъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ встрѣчается въ древнѣйшій періодъ, и въ прозѣ.

2. Слова имѣютъ одѣй и тѣже согласныя, но различныя гласныя. Игра здѣсь заключается въ томъ, что слова, по видимому принадлежащія одному корню, неожиданно для слушателя оказываются совершенно различными по особеннымъ оттѣнкамъ въ гласныхъ звукахъ. Этотъ родъ игры словъ обнаруживаетъ уже гораздо больше искусственности и по внѣшнему виду можетъ быть разсматриваемъ какъ родъ сильной аллитераціи, если особенная постановка предложенія не требуетъ допустить въ извѣстномъ мѣстѣ именно игру словъ. Вообще требуется большая осторожность при опредѣленіи границы, на которой кончается аллитерація, какъ естественная риемическая форма поэзіи и начинается логическая или реторическая игра словъ.

Въ древнѣйшей поэзіи этотъ родъ игры словъ почти не встрѣчается вообще. Только въ Псалмахъ нѣкоторый намекъ на нее представляютъ употребляемые часто совместно глаголы *ga'ah* и *jaḡe*, *jašchar* и *tzar* и т. под. близкіе по звуку, но противопо-

ложные по значенію; особенно первые два глагола даже въ прозѣ даютъ легкую игру словъ въ частомъ совмѣстномъ употребленіи.

Пс. 40, 4. *Ĭ'ru gabim vejira'u*

Многіе *взяли* и *вздри*.

Пс. 52, 5. *Vejire'u tzadhikim vejira'u.*

Праведники *взянутъ* и *вздри*.

Зах. 9, 5. *There' Āschkelon vethira'*

Взять Аскалонъ и *вздри*

Быт. 42, 35. *Vajire'u 'eth tzeroroth casphejhem hemah va'abijhem vejira'u.*

И *взяли* на узлы серебра своего, они и отецъ ихъ и *вздри*.

1 Сам. 28, 5. *Vajare' Scha'ul 'eth machaneh phelischthim vajira'.*

И *взялъ* Саулъ на лагерь филистимскій и *вздри*.

Пс. 27, 11. *Necheni be'orach mischor lema'an schorraj.*

Веди меня путемъ *благимъ*, чтобы завидовали враги.

Пс. 32, 7. *Mitzar thiltztzereni.*

Отъ *неправды* насъ *избавь Ты*.

Только пророки часто употребляютъ игру словъ въ собственномъ смыслѣ. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи первая часть книги пророка Исаи и книга пророка Михея; позднѣйшіе большею частію подражаютъ имъ.

Ис. 1, 23. *Saraic sorrim.*

Учители твои — *мучители*.

тоже у Ос. 9, 15. *Учители* ваши — *мучители*.

Ис. 5, 7. Vajekav *lemischphat* vehinne *mischphach*
litzedakah vehinne *tzeakah*.

Опъ ожидалъ *порядка* и вотъ *порабощение*,
Закона—и вотъ *стоны*.

Ис. 7, 9. Im lo *tha'aminu* ci-lo *the'amenu*.

Не *увѣритесь*, не *останетесь*.

Glaubet ihr nicht, so bleibet ihr nicht. (Лютеръ).

Ис. 17, 1. Hinneh Dammeschek musar *me'ir*

Vehajthah me'i maphphalah.

Вотъ Дамаскъ не *городъ*,

Огородъ заброшенный.

Ис. 17, 9. 'Arej *tauzzo*, *cauzubath* hachoresch.

Города ихъ *крѣпки* что *лѣсныя щепки*.

Ис. 26, 3. *Ietzer* samuk *thitzizor*.

Береженного Ты бережешь.

Ис. 32, 7. 'Al *sadim* *sofdim*

'Al *sedej* chemed.

Плани бьютъ себя о *полы*

О *поляхъ* цвѣтущихъ.

И вторая часть книги пророка Исаи имѣетъ игру словъ,
хотя не такъ часто:

Ис. 57, 5. *Bechalekej* *nachal* *chelkech*.

Его *доля*—на *межѣ* у *поля*.

Ис. 61, 3. *Pe'er* thachath 'eper.

Вѣнокъ за *песокъ*.

Putz für Schmutz (Август.).

Иерем. 3, 14. 22. *Schubbi banim schobabim.*

Возвратитесь, извращенные.

Иерем. 48, 9. *Thenu tziltz lemo'ab, ci natzo' thetze'.*

Дайте крылья Моаву, пусть скроется.

Иерем. 51. 2. *Schalachthi lebabel zarim vexeruha.*

Я послалъ на Вавилонъ людей чужихъ,
Чтобы разотали его по чужимъ.

Ос. 8, 7. *Katah bel ja'aseh ketach.*

Стебель да муки не дастъ.

Ср. Плач. 4. 18. Еккл. 7, 1 и др.

Аллитерація, анноминація и игра словъ получаютъ особенное значеніе при употребленіи въ Ветхомъ Заветѣ: а) именъ собственныхъ и б) именъ числительныхъ.

1) «Съ древнѣйшаго времени, говоритъ Гердеръ, у евреевъ все основывалось на имени; имена заключали въ себѣ всю исторію, хранили на память потомству все прошедшее». (*Geist der hebr. Poesie*, 280). Собственные имена у восточныхъ народовъ не были случайными знаками для отдѣльных лицъ и предметовъ, но своимъ происхожденіемъ обязаны дѣйствительнымъ опредѣленнымъ свойствамъ. Только съ теченіемъ продолжительнаго времени, при приобрѣтеніи отдѣльными именами права гражданства, понятія, лежащія въ основаніи именъ, могли потеряться, такъ что наконецъ изъ именъ образовались готовые каталоги, откуда имена выбираются по произволу, независимо отъ свойствъ лица. Для древнихъ евреевъ собственные имена никогда не теряли своего паричательнаго значенія. Такъ напр. Ноэмминъ говоритъ о себѣ: «не называйте меня *Ноэмминъ* (возлюбленная), какая изъ меня Ноэмминъ? Называйте меня *Марою* (огорченная), потому что Всевышній огорчилъ меня; я вышла отсюда съ недостаткомъ, а Іегова возвратилъ меня съ пустыми руками. Зачѣмъ же называть

меня Ноэминь, когда Иегова заставилъ меня страдать и Всевышній послалъ мнѣ несчастіе (Руо. 1, 20)». Или Исавъ говорить о своемъ братѣ: «не даромъ дали ему имя Іаковъ (запинатель); онъ зашнулъ меня уже два раза (Быт. 27, 36)». Гердеръ находилъ въ образованіи каждаго библейскаго имени игру словъ. Но такая игра, требующая особенныхъ комбинацій разсудка, не соответствуетъ простотѣ мысли первобытнаго человѣка; кромѣ того, она давала бы странный характеръ всѣмъ жизненнымъ отношеніямъ народа, занятого исключительно игрою словъ и именъ. На самомъ дѣлѣ эти имена были простыми снимками извѣстныхъ фактовъ, явленій и свойствъ. Таковы объясненія въ Библии собственныя имена: Адамъ, Ева, Каинъ, Сноъ, Ной, Іафетъ, Исмаиль, Авраамъ, Сарра, Моавъ, Аммонъ, Исаакъ, Исавъ, Іаковъ, Едома, Симонъ, Левій, Іуда, Нефѣалимъ, Гадъ, Ассиръ, Иссахаръ, Завулонъ, Іосифъ, Веніаминъ, Зарехъ, Манассія, Ефремъ, Моисей, Самуиль и проч. Названія мѣстностей: Вавель, Зоаръ, Есекъ, Ситна, Бетъ-ель, Алонъ-бакгутъ, Абель-Мицраимъ и мн. др. Всѣ эти и многія другія библейскія имена не представляютъ никакихъ искусственныхъ построеній, а служатъ только историческими памятниками. Считать поэтическими произведеніями эти имена можно развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ и весь строй древнихъ языковъ называется первобытною поэзіею, поколику въ нихъ слово цѣнится не только по своему значенію, но и по музыкальности звука.

Если съ значеніемъ собственныхъ именъ иногда связывается предсказаніе будущаго, такъ Быт. 49, 16: *Данъ (dan) будетъ судить (jadin) народы*; то здѣсь распространяется на будущее то свойство, которое лежитъ въ основаніи имени. Какъ въ именахъ выше указаанныхъ фактъ послужилъ къ образованію имени, такъ здѣсь изъ имени, выражающаго сущность лица, выводятся пророчески возможные будущіе факты.

Если по какимъ либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ лицо

или мѣсто получало новое значеніе для народа, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось, въ соотвѣтствіе новому качеству, и самое имя. Такъ напр. Аврамъ—родоначальникъ народа израильскаго измѣняетъ свое имя въ *Авраамъ*, чтобы обозначить новое свое положеніе, какъ отца многихъ народовъ по обѣтованію. Точно также измѣнено имя Іакова (запнятеля) въ Израиль, когда его роль стала міровою въ отношеніи къ культу монотеизма. Что во всѣхъ этихъ именахъ и измѣненіяхъ ихъ лежитъ историческое, а не поэтическое значеніе, въ этомъ странно сомнѣваться.

Только у пророковъ встрѣчается настоящая игра словъ при употребленіи собственныхъ именъ, но такъ, что при этомъ никогда не теряется историческая почва; такимъ образомъ, оставаясь вполнѣ точными историческими памятниками, пророческія книги Ветхаго Завѣта, съ другой стороны, могутъ служить образцами художественныхъ поэтическихъ и ораторскихъ сопоставленій, на основаніи этимологическихъ значеній отдѣльныхъ собственныхъ именъ. Подобною игрою въ употребленіи собственныхъ именъ городовъ отличается въ особенности первая часть книги пророка Исаіи, а потомъ и другія пророческія книги, отчасти самостоятельно, но болѣе по подражанію Исаіи. Вотъ примѣръ великолѣпная картина изъ собственныхъ именъ по книгѣ пророка Исаіи.

Ис. 10, 28—32. Онъ идетъ на Аіаѳъ,
Переходитъ Мигронъ,
Въ Михмашъ складываетъ оружіе.
Проходитъ чрезъ Магабару,
Въ Гева-Малонъ почуветь.
Дрожить Рама,
Гавей Саулова разбѣжалась,
Кричи громкимъ голосомъ Батъ-галимъ
Пусть услышитъ Ланшъ.

Бѣдный Анаѳоѣтъ!...
Разбѣжалась Мадмена,
Жители Гевимы (по LXX) укрѣпляйтесь!.
Еще день стоять въ Новѣ....
Онъ грозитъ рукою своею дочери Сіона,
Холму Іерусалима.

Здѣсь собственныя названія городовъ, опредѣляя путь, которыми должны идти на Іерусалимъ Ассиріянѣ, въ тоже время стоять въ особенной поэтической связи съ глаголами по своимъ этимологическимъ значеніямъ, тождественнымъ съ значеніями глаголовъ, такъ что приведенное мѣсто можетъ имѣть другой переводъ съ превращеніемъ собственныхъ именъ въ нарицательныя:

Онъ идетъ *опустѣлымъ пространствомъ*,
Переходитъ *крутизну*,
Въ тайномъ мьстѣ складываетъ оружіе,
Проходитъ *тѣснины*,
На *холмъ почлега* почуетъ.
Дрожатъ *возвышенности*,
Холмъ *Сауловъ* побѣжалъ,
Кричи громкимъ голосомъ *городъ шумный*
Пусть услышитъ *подслушивающая* (и нѣм. lauschen знач. *подслушивать*)
Бѣдный *городъ бѣдствій*.
Убѣжала *молчаливая*,
Жители *высокихъ* мьстѣ укрѣпляйтесь!
Еще день стоять на *высотѣ*...

Ис. 15, 5. Сі ма'aleh halluchith bebei ja'aleh.

Маале-галлухитъ (этимол. *переходныя сваві*)
въ слезахъ онъ *пройдетъ*.

Ис. 15, 9. Сі mej Dimon mal'u dat.

Ме-димомъ (этимологически: *потокъ крови*)
наполнился *кровію*.

- Ис. 17, 2. 'Azuboth 'arej 'Aro'er.
Пусты города Ароера (Ароерь этимологически
значить *пустырь*).
- Ис. 21, 2. 'Ali 'Elam.
Взойди Еламъ (Еламъ этим. *всходящий*).
- Ис. 65, 11. 12. Они разстворили питье *богу рока* (menî),
За то Я *обреку* (manîthî) ихъ подъ мечъ.
- Иерем. 6, 1. *Трубите* трубою въ *Оекоу* (Оекоя въ корнѣ
слова значить именно *трубить*).
- Иерем. 48, 2. Ему зло *задумали* въ *Хешбонъ* (корень слова
Хешбонъ значить *задумывать*).
- — — И ты *замолчишь* *Мадмена* (корень имени
Мадмена значить *молчать*).
- Иезек. 25, 16. Я истреблю Критянъ (Критянинъ Krethim въ
корнѣ значить *истребитель*).
- Амосъ 5, 5. Будеть взять въ плѣнъ Галгалъ (Галгалъ про-
исходитъ отъ корня *гала*, *братъ въ плѣнъ*).
- — — *Идоламъ* достанется *Бетъ-эль* (имя города
Ветъ-эль этимол. значить *домъ Божій*) ср.
Ос. 12, 12.
- Мих. 1, 10. Не возвѣщайте въ Гафъ (корень *пагаръ* знач.
играть на инструментѣ).
Не *плачьте* въ *Акко* (корень *Акко* значить
плакать).
Не посыпайтесь *непломъ* въ *Орфъ* (Орфа этимол.
непель). Ср. 2 Сам. 1, 20.
- Мих. 1, 13. Rethom hammercabah larecesh joshebeth *Lacisch*.
Впрягайте въ колесницы коней жители Лахиса.
Здѣсь слова: *mercabah*, *recesch*, *lacisch* даютъ
сильную аллитерацію, близкую къ игрѣ словъ.

Мих. 1, 14. *Bathej Aczib leaczab.*

Дома Акзива что ручей обманчивый. (Акзивъ значить обманъ).

Мих. 1. 15. Еще *владѣльца* веду къ тебѣ, живущая въ *Марешъ*. (Марешъ въ корнѣ значить *владѣніе*).

Соф. 2, 4. Будетъ *разорена Газа* (въ корнѣ *разорять*).

— — — Екронъ искоренится (Екронъ въ корнѣ значить *вырывать*).

2) Наклонность къ аллитераціи, давшая такіа художественныя поэтическія построенія въ употребленіи собственныхъ именъ, коснулась, наконецъ, и употребленія именъ числительныхъ. Въ каждомъ языкѣ можно встрѣчать такіа числа, которыя, будучи въ постоянномъ преимущественномъ употребленіи, не указываютъ опредѣленнаго количества, а только приблизительно большую или малую величину и называются *круглыми*. Такимъ образомъ въ латинскомъ языкѣ въ значеніи круглаго числа часто употребляется: *sexcenti* (см. Циц. ad Attic. 6, 4. Terent. Thorm. 4, 3, 63). У грековъ круглымъ священнымъ числомъ служило *девять*. Уже у Гомера упоминаются весьма часто *девять* жертвенныхъ животныхъ, при *девяти* жертвенныхъ столахъ, *девять* герольдовъ, *девять* судей на турнирѣ, *девяти*-дневное угощеніе и проч. Вліяніе этого круглаго числа видно далѣе въ опредѣленіи девяти музъ у Гезіода, въ числѣ дней свящ. праздниковъ: освященіе Осмофоръ, элезвинскія празднества и празднества при погребеніяхъ продолжаются *девять* дней (последнее празднество даже называлось *τὰ ἐννέα*), въ числѣ *девяти* архонтовъ въ Афинахъ и проч. Точно также свои круглыя числа представляютъ и наши народныя былины. Самымъ любимымъ круглымъ числомъ здѣсь является *сорокъ*, какъ само по себѣ, такъ и въ соединеніи съ другими числами. Напримѣръ:

У Батыя силы сорокъ тысячей

И у зятя-то силы сорокъ тысячей

У дьячка силы сорокъ тысячей.

Или: Поѣхалъ Михайла на Оскать гору высокую
Близъ сорока царей, сорока царевичей.
Близъ сорока королей, сорока королевичей...
Стрѣлялъ сорокъ стрѣлочекъ....

Или: Въ Москвѣ церковей сорокъ сороковъ и т. под.

Не менѣе часто въ значеніи круглаго числа наши былины употребляютъ *три*. Богатырь обыкновенно встрѣчаетъ три дороги, три врага, рѣшаетъ битву тремя захватами. Отецъ имѣетъ три сына или три дочери. Закладъ держится до трехъ разъ. Малымъ круглымъ числомъ иногда служить полтора: богатырь пьетъ чашу въ полтора ведра, полторы версты идетъ по маху и пр.

Происхожденіемъ своимъ круглыя числа вообще бываютъ обязаны какимъ либо важнымъ историческимъ и религіознымъ событіямъ, выдвинувшимъ значеніе того или другаго числа, хотя и не всегда эти событія могутъ быть извѣстны. Но изъ многихъ священныхъ чиселъ въ народномъ употребленіи выбираются преимущественно тѣ, которые въ данномъ случаѣ могутъ войти въ рассказъ путемъ аллитераціи. Напр. въ приведенныхъ примѣрахъ *сорокъ* очевидно аллитеровано съ звуками: *кор. цар. церкв. стрѣл.* чрезъ букву *р* и съ повторяющимся словомъ: *силы* чрезъ шипящую *с*. *Три* аллитерируется съ словами: богатырь, дорога, врагъ, дочери; *полтора* аллитерируется съ словами: верста, ведро и т. дал.

Но ни одинъ изъ извѣстныхъ языковъ не представляетъ такого обилія священныхъ и круглыхъ чиселъ, какое мы видимъ въ Библии. Жизнь, богатая великими событіями, оставила въ народной памяти, вмѣстѣ съ свящ. именами, много незабвенныхъ единицъ для счета. Но, употребляются ли эти числа въ историческомъ значеніи, или только въ значеніи неопредѣленныхъ величинъ, онѣ часто бываютъ связаны съ рассказомъ аллитераціею. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ чиселъ:

1) Иногда имѣется въ виду незначительный, неопредѣленный счетъ; онъ иногда означается цифрою *пять*. Гезеніусъ (Thesaurus phil. p. 495) говорить объ этомъ числѣ слѣдующее: ut numerus septenarius saepe sacer et rotundus, ita nonnunquam etiam quinquarius (Ис. 17, 6; 30, 17) maxime ut observare licet in rebus Aegyptiacis (Быт. 43, 34. 45, 23. 47, 2. Ис. 19, 8) i. q. repetitum videtur a religionibus Aegyptiorum, Indorum, aliarumque gentium orientalium, in quibus *quinque* planetae minores, quinque elementa et polestates elementares sacrae habebantur. Но это мнѣніе Гезеніуса, что число пять получило у евреевъ значеніе круглаго и священнаго числа по вліянію Египтянъ, не имѣетъ основанія. Во первыхъ, не вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Египтѣ, употребляется именно это число: во свѣ Фараона *семь* колосевъ и *семь* коровъ; виночерпій видитъ во свѣ *три* виноградныхъ лозы; Іезекииль предсказываетъ, что Египетъ не будетъ населенъ въ теченіи *сорока* лѣтъ (29, 11—13). Во вторыхъ, тѣ мѣста, на которыя ссылается Гезеніусъ, не подтверждаютъ его положенія. Если Быт. 43, 34 говорится, что Іосифъ далъ Ваніамину порцію въ *пять* разъ больше, чѣмъ остальнымъ братьямъ и *пять* перемѣнъ одеждъ; то здѣсь же прибавлено еще особенное, стороннее число: *триста* сиклей серебра; такимъ образомъ очевидно, здѣсь рѣчь даетъ не случайныя круглыя, а историческія данныя. Точно также нѣтъ основанія сомнѣваться, что Іосифъ представилъ Фараону именно *пять* своихъ братьевъ. Круглое число можно видѣть только тамъ, гдѣ трудно допустить историческую цифру, напр. Исх. 30, 17: «отъ угрозъ одного васъ побѣжать тысяча, отъ угрозы *пяти* — десять тысячъ». Или: Лев. 26, 8: «*пятеро* изъ васъ обратятъ въ бѣгство сто, а сто тьму». 1 Сам. 17, 40 Давидъ беретъ въ котомку *пять* *младшихъ* камней; такъ какъ Давидъ однимъ верженіемъ камня могъ повалить Голиафа на землю, то подъ *пятью* можно разумѣть случайное число. 1 Сам. 21, 4 Давидъ проситъ первосвященника: *дай мнѣ пять* *хлѣ-*

Бовъ, если есть у тебя, или что найдешь. Въ ^{этихъ} ~~этихъ~~ послѣднихъ мѣстахъ число пять имѣетъ только неопредѣленное значеніе, какое часто дается ему и въ нашихъ былинахъ; напр. въ русской пѣсни поется: «али я у батюшки моего *пять* суѣковъ хлѣба выѣла»; или: «загадать ли тебѣ, сынъ кунеческій, загадокъ *пять*».

Но во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Библии, гдѣ число пять дѣйствительно имѣетъ значеніе круглаго числа, нельзя указать никакого египетскаго вліянія. Между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ мѣстъ, оказывается несомнѣннымъ, что на выборъ этого числа вліяли не какія либо внѣшнія причины, а единственно глубокая склонность языка къ аллитераціи, которою для пособія памяти связаны и тѣ мѣста, гдѣ пять имѣетъ историч. значеніе. Такимъ образомъ въ первомъ изъ указанныхъ мѣстъ аллитеровано число *пять chamischah* съ словомъ *challukej porcij*. Во второмъ мѣстѣ число *chamischah* подобрано къ слову *lecheth хлѣбъ*, съ которымъ оно связывается сильною аллитераціею. Въ мѣстѣ Исх. 30, 17 *chamischah* противопоставлено дважды повторенному слову *'echad одинъ*, съ которымъ оно образуетъ легкую аллитерацію. По тому же закону аллитераціи вставлено *chamischah* въ Быт. 45, 22, гдѣ оно связано съ словомъ *schemaloth*. Не подходитъ сюда изъ мѣстъ, указанныхъ Гезеніусомъ, только Ис. 17, 6. По это мѣсто имѣетъ исключительный характеръ; въ немъ пересчитываются числа въ обыкновенномъ порядкѣ: «и останется у него, какъ при обиваніи маслинъ, двѣ, три ягодины на верхушкѣ, или четыре, *пять* на вѣтвяхъ болѣе плодородныхъ». Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ круглое число должно запоминаться одно, само по себѣ, на помощь ему приходитъ аллитерація.

2) Гораздо больше пяти въ употребленіи св. писателей встрѣчается число *семь*, служащее основаніемъ религіознаго законодательства евреевъ. Все распредѣленіе субботныхъ дней, суббот-

ныхъ годовъ, какъ и продолжительность праздничныхъ дней опредѣляется именно этимъ числомъ. Праздникъ Пасхи продолжается *семь* дней, отъ четырнадцатаго (2×7) дня перваго мѣсяца до 21 (3×7). Отъ Пасхи опять считается *семь* субботъ до Пятидесятницы, которая и называлась праздникомъ субботъ. Въ *седьмой* мѣсяцъ года опять праздникъ, продолжающійся *семь* дней (Лев. 23, 24 и дал). Многія опредѣленія закона на счетъ покупки и продажи важѣйшихъ предметовъ (Лев. 25, 10, 15), на счетъ годоваго служенія рабовъ (Исх. 22, 2), обращаются опять около этого же числа. При такомъ важномъ значеніи числа семи *scheba'ah*, понятно, почему законодатель старается запечатлѣть его въ памяти читателей и слушателей закона помощью аллитераціи. Особенно часто встрѣчается въ постановленіяхъ закона сопоставленіе числа *scheba'ah* съ словомъ *schabbath* *суббота*, съ которымъ оно образуетъ сильную аллитерацію. Напр. Быт. 2, 2. 3 *vajischeboth* bajom *haschschebi'ij*, и успокоился въ день седьмый. Или же: *vejom haschschebij schabbath* Исх. 16, 26. 20, 10. 31, 15. 17. 34, 21. 35, 2. Втор. 5, 4 и мног. друг. Таже самая связь удерживается и въ законѣ о субботныхъ годахъ: *reschabthah* ha'aretz *schabbath* lajhovah Лев. 25, 2. 4, и юбилейныхъ: *vesafartha leca scheba' schabbethoth schanim*, «ты долженъ отсчитать себѣ семь субботъ годовъ», и далѣе: *vehaju leca jemej scheba' schabbathoth haschschanim*, «и будутъ для тебя семь субботъ лѣтъ. (Лев. 25, 8)». —Послѣ того, какъ такимъ образомъ законъ сообщилъ высокое религіозное значеніе числу *семь*, его употребляютъ и въ качествѣ круглаго числа, какъ въ отдѣльности, такъ и въ совокупности съ окружающими его числами: *шесть* и *восемь*, которыя въ еврейскомъ языкѣ созвучны съ числомъ *семь*. Напр. Іова 5, 19:

Въ *шести* бѣдахъ Онъ спасетъ тебя

И въ *седьмой* не коснется тебя зло.

Здѣсь семь *scheba* и шесть *schesch* во первыхъ связаны легкою аллитераціею между собою, во вторыхъ съ другими словами чрезъ повторяющуюся дважды шипящую *цаде*. Ср. Евкл. 11, 2 и др.

3. Число *десять*, какъ круглая величина, употребляется для обозначенія неопредѣленной и случайной небольшой суммы. Если Іаковъ говоритъ о Лаванѣ (Быт. 31, 7): онъ *десять разъ* *'aschereth* перемѣнялъ мнѣ *награду mascherthij*, то здѣсь, кромѣ аллитерація и можетъ быть еще знакомства съ десятичною системою, нельзя указать никакой причины для выбора числа. Тоже и въ словахъ Іова: вы *десять разъ* срамили меня (19, 3). Ср. Ис. 5, 10, 6, 13.

4. Число *сорокъ* имѣетъ такое же значеніе въ еврейской исторіи, какъ семь въ еврейскомъ законодательствѣ. Составляя средоточіе многихъ библейскихъ сказаній, сорокъ *'arba'im* почти вездѣ собираетъ около себя аллитерованные звуки. Обыкновеннымъ словомъ, связываемымъ аллитераціею съ *'arba'im* *сорокъ*, служитъ существительное *ha'aretz*, какъ главный предметъ рѣчи, означающее *землю* вообще а съ членомъ Палестину, или *обитованную землю*. Такъ Быт. 7, 4: «чрезъ семь дней отнынѣ Я повелю дождю литься на *землю* (*ha'aretz*) *сорокъ* (*'arba'im*) дней». Быт. 7, 17: «и было наводненіе на *земль* (*'al ha'aretz*) *сорокъ* (*'arba'im*) дней». Быт. 7, 12: «тогда былъ ливень на *земль* (*'el—haaretz*) *сорокъ* (*'arbaim*) дней». Далѣе число *'arba'im* служитъ средоточіемъ исторіи странствованія евреевъ по выходѣ изъ Египта, аллитеруясь то съ *ha'aretz* *обитованная земля*, то съ *midbar* *пустыня*. Числ. 14, 34: «по числу *сорока* (*'arba'im*) дней, въ которые вы *обозрѣвали* (*tharthem*) *землю* (*haaretz*), понесете наказаніе *сорокъ* (*'arba'im*) лѣтъ». Числ. 14, 33: «дѣти ваши будутъ *пастухами* (*go'im*) въ *пустынь* (*midbar*) *сорокъ* (*'arba'im*) лѣтъ». Числ. 32, 13, Втор. 2, 7 и др. «Онъ оставилъ ихъ скитаться въ *пустынь* (*midbar*) *сорокъ* (*'arba'im*) лѣтъ». Нех. 16, 35. «израильтяне ѣли манну въ *пустынь* (*midbar*) *сорокъ*

лѣтъ ('arba'im schanah), пока не пришли въ *землю населенную* ('aretz noschabeth)». Въ разсказѣ о сорокадневномъ пребываніи Моисей на Синаѣ число 'arba'im аллитруется съ словомъ *har гора*, съ членомъ собственно *гора Синай*. Исх. 24, 18: «и былъ Моисей *на горѣ* (ba—har) сорокъ (arba'im) дней». Исх. 34, 28. Втор. 9, 9: «я оставался *на горѣ* (ba—har) сорокъ ('arba'im) дней». Въ историческихъ датахъ книги Судей 'arba'im также нераздѣльно отъ haaretz: и *покоилась земля* (vathischkat haaretz) сорокъ *лѣтъ* ('arba'im schanah). (Суд. 3, 11. 5, 31. 8, 28). При такомъ важномъ историческомъ значеніи числа a'rbai'm, понятно, что оно могло войти въ народное употребленіе и въ качествѣ круглаго числа. 1 Цар. 19, 8 говорится, что пророкъ Ілія изъ Боэръ-Шевы, города принадлежащаго іудеямъ, «шелъ сорокъ ('arba'im) дней и сорокъ (arba'im) почей до *горы* (har) высокой *Хорива* (shogeb)». Но извѣстно, что гора Хоривъ отстоитъ отъ Боэръ-Шевы не далѣе 100 верстъ. Очевидно, что это пространство слишкомъ незначительно для торопящагося путешественника (Ілія бѣжалъ отъ Іезавели), чтобы на прошествіе его употребить сорокъ дней и сорокъ почей. На выборъ числа здѣсь свободно вліяла только богатая аллитерація словъ *har гора* и *shogeb Хоривъ* съ числомъ 'arba'im. Такое же значеніе имѣетъ число 'arba'im въ пророчествѣ Іезекіиля о землѣ египетской (29, 11—13):

Не будетъ ходить ('abaг по ней нога человѣчская
И нога животного не будетъ проходить (tha'a'bar) по ней
И не будетъ населена сорокъ ('arba'im) лѣтъ.
Я сдѣлаю землю Египетскую ('aretz Mitzraim) пустынею
Больше всѣхъ земель ('aratzoth) опустошенныхъ,
И города его (a'geha) будутъ пусты
Больше всѣхъ городовъ разоренныхъ ('arim mochoraboth),
Сорокъ ('arba'im) лѣтъ..

Я разгону Египтянъ (mitzraim) между народовъ
И разсѣю ихъ по землямъ ('aratzoth).

Какъ подтверждаетъ исторія, пророкъ имѣлъ въ виду здѣсь неопредѣленно продолжительное или круглое время. Выборъ числа a'rbaim достаточно объясняется только сильными аллитераціями многихъ словъ съ звукомъ *ar* и *arb*: tha'abar, 'aretz, a'rim mitzraim и пр.—Равнымъ образомъ и въ пророчествѣ Іоны (3, 4 и дал.): «еще сорокъ дней и городъ Невевія разрушится» выборъ круглаго числа можетъ быть зависѣлъ отъ слова 'ir городъ, которое у Іоны означаетъ именно Невевію (1, 2, 3, 2, 3, 4, 4, 5, 11). Ср. также Іова 42, 16 и проч.

5. Вторымъ послѣ сорока, важнымъ историческимъ числомъ въ еврейской исторіи служить *семьдесятъ*. Мифіе Гезеніуса, что семьдесятъ имѣетъ въ библейской исторіи значеніе исключительно круглаго числа, не можетъ быть принято, потому что въ еврейскомъ языкѣ созвучны съ семидесятью числа 30, 60 и 80, и слѣдовательно одинаково могли служить для поэтическихъ цѣлей аллитераціи. Очевидно только историческія обстоятельства могли возвысить предъ другими эту цифру. Именно съ этимъ числомъ связанъ великій для народной памяти фактъ семидесятилѣтняго вавилонскаго плѣна. Эта историческая связь числа семя съ исторіею плѣна въ изображеніяхъ пророковъ закрѣплена поэтическими созвучіями; въ еврейскомъ языкѣ число семьдесятъ schib'im имѣетъ замѣчательно близкую связь съ словами schabab *плѣнь* и schub (въ формѣ гифиль) *возвращать изъ плѣна*. Вотъ почему продолжительность посрамленія, какою потерпѣли Іудеи въ Вавилонѣ, не могла забыться во вѣки, пока слово плѣнь *schabab* существовало въ языкѣ. Іер. 29, 10. Ис. 23, 17.—У талмудистовъ число 70 одна изъ употребительнѣйшихъ круглыхъ величинъ.

6. Въ томъ же отношеніи какъ 70 къ 7, стоитъ 100 къ 10. Если для малыхъ круглыхъ суммъ употреблялось 10, то для

большихъ, при равномъ отношеніи звуковъ, служило *сто*. Такъ Быт. 26, 12: «верно даетъ сто зеренъ». Лев. 26, 8: «сто прогоняетъ тму», и друг. Значительное употребленіе этого числа, также какъ и десяти, зависитъ отъ знакомства съ десятичною системою.

7. Тоже нужно сказать и о числѣ тысяча, которое употребляется въ качествѣ круглаго числа, когда сумма предполагается весьма значительная. Напр. тысяча ('elef) лѣтъ предъ Тобою какъ день вчерашній ('ethmol) Пс. 90, 4. Ср. Іов. 9, 3. 33, 23. Исх. 30, 17. Втор. 32, 30. 1 Сам. 18, 17, Мих. 6, 5.

Числа больше тысячи въ значеніи круглыхъ не употребляются. Числа меньше пяти хотя употребляются, но очень рѣдко. Пс. 62, 12:

Богъ говорилъ однажды,
Дважды я слышалъ.

Это повтореніе двухъ чиселъ рядомъ *однажды* и *дважды* многимъ толкователямъ представлялось противорѣчіемъ и даже объяснялось искаженіемъ текста. Но лучшимъ оправданіемъ этого мѣста можетъ служить то, что въ нашихъ былинахъ эти же числа не разъ повторяются въ такомъ же порядкѣ объ одномъ и томъ же обстоятельстве, и употребляются потому только что они стоятъ рядомъ въ привычномъ счетѣ, какъ въ алфавитныхъ пѣсняхъ буквы повторяются въ стихахъ по привычному порядку. Въ русской народной пѣснѣ про взятіе Казани пушкарь, обращаясь къ царю Ивану Васильевичу съ рѣчью, говоритъ:

За одно слово царь нѣтъ мнѣ казни,
За два слова царь головы не сними.

Таковы главнѣйшія формы древнееврейской аллитераціи, въ ея развитіи отъ простѣйшихъ, едва уловяемыхъ слухомъ, созвучій до полныхъ и нарочитыхъ созвучій, прекрасныхъ и пріятныхъ

по своей музыкальности и вмѣстѣ практически необходимыхъ для закрѣпленія въ народной памяти вложенныхъ въ эти созвучія откровенныхъ истинъ и законныхъ предписаній, также какъ и главныхъ моментовъ исторіи. По нашему мнѣнію изученіе ветхозавѣтныхъ памятниковъ съ этой стороны обѣщаетъ быть весьма плодотворнымъ и привести къ новымъ, можетъ быть совершенно неожиданнымъ и рѣшительнымъ результатамъ въ вопросѣ о происхожденіи многихъ книгъ Ветхаго Завѣта.

А. Олещицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

